

ЭРЛ ДЕРР БИГГЕРС
СЕМЬ КЛЮЧЕЙ ОТ БОЛДПЕЙТА

ИДДК

Эрл Дерр Биггерс

Семь ключей от Болдпейта

Серия «Ретродетектив (ИДДК)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73984362

Семь ключей от Болдпейта:

Аннотация

"Семь ключей от Болдпейта" – это знаменитый детективный роман Эрла Дерра Биггерса, опубликованный в 1913 году.

Известный писатель Уильям Маджи заключает пари с приятелем, что сможет написать новый роман всего за 24 часа. Для уединения он отправляется в заброшенный горный отель "Болдпейт", который закрыт на зиму. По условиям спора, у писателя должен быть единственный ключ от здания. Однако в течение ночи в отеле неожиданно появляются еще шесть человек, у каждого из которых оказывается свой собственный ключ. Вскоре начинается череда таинственных убийств, краж и мистификаций, а сам отель превращается в ловушку.

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ УПОМИНАНИЕ КУРЕНИЯ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ. КУРЕНИЕ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЕ

НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ
ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.

ПРОДУКЦИИ

ВРЕДИТ

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	45
Глава 4	60
Глава 5	75
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Эрл Дерр Биггерс

Семь ключей от Болдпейта

Глава 1

«Не плачь, моя леди»

В зале ожидания железнодорожной станции в Аппер-Аскьюан-Фолс, штат Нью-Йорк, горько плакала молодая женщина.

Красивая молодая женщина? Именно это и хотел выяснить Билли Мэги, застыв у самого входа и закрыв за собой дверь. Были ли черты лица, к которым она с таким отчаянием прижимала клочок батиста, приятного очертания? Сшитый на заказ вельветовый костюм и легкомысленная, но очаровательная шляпка сулили немало. Стоит ли ему галантно шагнуть вперед и участливо осведомиться о причине ее горя? Стоит ли простирать свое рыцарство до самых окраин Аппер-Аскьюан-Фолс?

Нет, мистер Мэги решил, что не стоит. Поезд, только что умчавшийся с ревом в сумерки, увез его из края небоскребов и котелков вовсе не ради рыцарских подвигов в провинции. В конце концов, слезы этой девушки его не касались. Вокзал – естественное пристанище для печали, поле вечных

разлук, на пол которого часто изливаются потоки слез тех, кто остается. Друг, а может, и возлюбленный, был унесен в ночь неумолимой пригородной электричкой в пять тридцать четыре. Почему бы и не возлюбленный? Наверняка вокруг такой изящной и стройной фигурки поклонники кружились, как мотыльки вокруг пламени. В нежное личное горе какому-то незнакомцу Мэги вторгаться не подобало. Он осторожно положил руку на дверную защелку.

И все же... внутри зала ожидания было сумрачно, неуютно и холодно. Совсем не то место, где джентльмен мог бы оставить даму в печали, особенно если дама столь пленительна. О, вне всяких сомнений, она была крайне пленительна. Мистер Мэги мягко подошел к кассовому окну и вполголоса спросил человека внутри:

– О чем она плачет?

К решетке прижалось худое землистое лицо, на лоб которого безжизненно свисала копна рыжих волос.

– Спасибо, – сказал кассир. – Мне так часто задают одни и те же вопросы, что ваш немного разогнал скуку. Жаль, не могу помочь. Она женщина, а один Господь знает, почему женщины плачут. И сдается мне, порой даже Он пребывает в легком недоумении. Вот, к примеру, моя жена...

– Думаю, я спрошу ее сам, – доверительно прошептал мистер Мэги.

– О, я бы не советовал, – отозвался человек за решеткой. – Лучше оставить их в покое. Они быстрее перестают, если на

них не обращать внимания.

– Но она в беде, – возразил Билли Мэги.

– И вы в ней окажетесь, скорее всего, – ответил циник, – если вмешаетесь. Нет уж, сэр! Послушайте моего совета. Если хотите, можете хоть в бочке прыгать через пороги старого Аскьюана, но держитесь подальше от плачущих женщин.

Однако безрассудный Билли Мэги уже шел по немытому полу с самым рыцарским намерением.

Стройные плечи девушки уже не вздрагивали так несчастно. Приближаясь, мистер Мэги на миг вообразил, будто снова оказался в университетском дворе в сумерках: над головой вздыхают величественные вязаы, а с крыльца векового здания доносятся свежие голоса участников хорового кружка. Какие слова они пели тогда столько раз?

«Не плачь больше, леди,
О, не плачь сегодня!»

Он пожалел, что не может пустить эти строки в ход. Они всегда казались ему такими печальными и прекрасными. Но трубадуры, как он знал, вышли из моды задолго до появления вокзалов. Поэтому его обращение к молодой женщине прозвучало совсем не мелодично:

– Могу ли я чем-нибудь помочь?

Краешек платка приоткрылся, и на него воззрился глаз – как отметил мистер Мэги, восхитительного синего цвета.

Взору даже одного-единственного глаза облик мистера Мэги предстал весьма приятным. Юный Уильямс, слывший в клубе остряком, как-то заметил, что Билли Мэги настолько близок к образу идеального книжного героя в представлении журнальных художников, насколько это вообще возможно для человека, желающего при этом сохранить уважение и дружбу соплеменников. Мистеру Мэги показалось, что в одиноком синем глазу он прочел одобрение. Однако, когда дама заговорила, он поспешно пересмотрел свое мнение.

– Да, – сказала она. – Вы можете кое-что сделать. Уйти – далеко-далеко.

Мистер Мэги так и застыл. Вот как обошлись с рыцарством в Аппер-Аскьюан-Фолс в 1911 году.

– Прошу прощения, – заметил он. – Вы казались расстроенной, и я подумал, что мог бы быть чем-то полезен.

Девушка полностью убрала платок. Второй глаз оказался того же восхитительного синего цвета – оттенка где-то посередине между ее вельветовым костюмом и формой матроса на плакате «Посмотри мир – вступай во флот», служившем фоном для ее скорби.

– Я не хотела быть грубой, – пояснила она уже мягче, – но... я ведь плачу, понимаете, а девушка просто не может выглядеть привлекательно, когда плачет.

– Если бы мы были представлены друг другу по всем правилам, – ответил мистер Мэги, – я бы ответил на это весьма лестным образом.

«И совершенно искренне», – добавил он про себя. Ибо даже в тусклом, мерцающем свете станции он нашел достаточно причин порадоваться тому, что клочок батиста больше не был так отчаянно прижат к лицу. Пока что он едва мог отвести взгляд от ее глаз, но смутно осознал, что чуть выше, из-под дерзкой черной шляпки, нахально выбиваются пряди золотистых волос. Он пообещал себе рассмотреть эти пряди чуть позже. Как только сможет оторваться от глаз – а это случится явно не сейчас.

– Мое горе, – сказала девушка, – совершенно глупое и... женское. Думаю, будет лучше оставить меня наедине с ним. Спасибо за участие. И... не могли бы вы попросить джентльмена, который с таким жаром прижался лицом к решетке, любезно закрыть свое окно?

– Разумеется, – ответил мистер Мэги. Он развернулся и тут же столкнулся с дамой весьма внушительных достоинств. Она производила впечатление монументальности и веса; рот ее выглядел жестким, вид – многозначительным. Мистер Мэги почувствовал, что она наверняка жаждет избирательного права и не преминет заявлять об этом время от времени. У дамы был сверкающий взор; она воспользовалась этим проверенным временем приемом и «пригвоздила» им мистера Мэги.

– Я плакала, мама, – объяснила девушка, – и этот джентльмен поинтересовался, не может ли он чем-нибудь помочь.

Мама! Мистер Мэги был готов присоединить свои слезы к

слезам девушки. Эта хрупкая и прелестная дева в беде имеет своей родительницей такую грузную, лишнюю... особу! У старшей женщины тоже были золотистые волосы, но того сорта, что наводит на мысли о белой эмалированной бледности аптеки, с шипением содовой и флаконами духов, выстроенными в пахучий ряд. Мама! Вот так и вертится этот мир.

– Ну, нечего тут заводиться на пустом месте, – посоветовала неприятная родительница. К удивлению мистера Мэги, в ее тоне не было враждебности – вопреки внешности. – Может, джентльмен подскажет нам приличную гостиницу, – добавила она с довольно театральной улыбкой.

– Я здесь тоже чужой, – ответил мистер Мэги. – Расспрошу человека вон в той клетке.

Джентльмен в клетке не отличался бодростью в ответах. Есть, по его словам, отель «Болдпейт».

– О да, «Болдпейт», – с интересом повторил Билли Мэги.

– Да, местечко шикарное, – сказал кассир. – Но сейчас он закрыт. Это летний курорт. Сейчас тут открыт только «Коммерческий дом». Но я бы ни одному живому существу его не посоветовал – особенно даме, которой взгрустнулось еще до того, как она его увидела.

Мистер Мэги объяснил ситуацию этой странной парочке, ожидавшей на скамье.

– Здесь только одна гостиница, – сказал он, – и мне передали, что это не совсем подходящее место для тех, чей взгляд на мир в данный момент не окрашен в розовые тона. Мне

жаль.

– Вполне сойдет, – ответила девушка, – какой бы она ни была. – Она улыбнулась Билли Мэги. – Мой взгляд на жизнь в Аппер-Аскьюан-Фолс с каждой минутой становится все розовее. Нам нужно найти кэб.

Она начала собирать свои дорожные сумки, и мистер Мэги поспешил на помощь. Троица вышла на платформу, покрытую тонким ковром снежинок. Там старшая женщина резким, скрипучим голосом принялась ругать Аппер-Аскьюан-Фолс – его географию, общественный дух и качество погоды. У края платформы стоял унылый кэб, оплакивая свою одинокую долю. В него мистер Мэги устроил массивную даму и сумки. Затем, пока возница забирался на козлы, он шепнул на ушко девушке:

– Вы так и не сказали, почему плакали, – напомнил он.

Она махнула рукой в сторону придорожного поселка, чьи фонари печально светили сквозь снег.

– Аппер-Аскьюан-Фолс, – сказала она, – разве это не достаточная причина?

Билли Мэги посмотрел туда; он увидел ряд мрачных строений, которые, казалось, кренились от ветра, расплывчатую вывеску «Вина и сигары» и улицу, уходящую в темноту шагающей походкой человека, засидевшегося в заведении за этой самой вывеской.

– Вы обречены пробыть здесь долго? – спросил он.

– Давай быстрее, Мэри! – крикнул грубый голос из кэба. –

Садись и закрой дверь. Я замерзаю.

– Как знать, – ответила девушка. – Спасибо за доброту и... спокойной ночи.

Дверь закрылась с глухим стуком, кэб устало скрипнул и укатил, а мистер Мэги вернулся в тусклый зал ожидания.

– Ну, так чего она редела-то? – поинтересовался кассир, когда мистер Мэги снова возник у его окна.

– Ваш город ей не приглянулся, – отозвался Мэги. – Она дала понять, что от него у нее на сердце тяжелеет.

– Хм, городок так себе, – признал мужчина, – хотя обычно приезжие не заливаются слезами при виде него. Да уж, Аскьюан – дыра, тут не поспоришь. У меня у самого порой нервы сдают. Делать нечего – только работай, работай, работай, а потом ложись и жди завтрашнего дня. Я все думал, может, когда-нибудь меня переведут в Хуперстаун – там кино показывают и вообще жизнь кипит. Но железная дорога тебя не замечает, пока не напортачишь. Да уж, сэр, иногда мне и самому охота отсюда смыться.

– Природная тяга к перемене мест, – посочувствовал мистер Мэги. – Вы только что упомянули отель «Болдпейт»...

– Да, летом там поживленнее, когда он открыт, – ответил кассир. – К нам куча жалоб поступает на не доставленные вовремя сундуки, причем от весьма шикарных особ. Это хоть как-то бодрит. – Его взгляд с интересом скользнул по нью-йоркскому наряду мистера Мэги. – Но сейчас «Болдпейт» заколочен наглухо. Зимой это место – просто пристройка к

кладбищу. Вы ведь не думали здесь остановиться, верно?

– Ну... мне нужно повидать человека по имени Элайджа Куимби, – ответил мистер Мэги. – Вы его знаете?

– Само собой, – отозвался мечтатель о новых пастбищах, – он смотритель в отеле. Его дом примерно в миле отсюда, на старой Миллер-роуд, что ведет вверх к Болдпейту. Выйдем на улицу, я объясню, как туда добраться.

Мужчины вышли в круговерть снега, и кассир неопределенно махнул рукой куда-то в ночную высь.

– Будь сейчас ясно, – сказал он, – вы бы увидели там гору Болдпейт, возвышающуюся над Фолс – она будто присматривает за нами, чтоб мы тут не больно-то распоясались. А на полпути к вершине вы бы заприметили сам отель «Болдпейт» – черный, мирный, по-зимнему тихий. Просто идите по этой улице до третьего поворота, а там – налево. Элайджа живет в маленьком домике за деревьями в миле отсюда – там есть калитка, вы ее в такую ночь по скрипу точно узнаете.

Билли Мэги поблагодарил его и, подхватив две свои сумки, зашагал по главной улице. Унылое, неприветливое здание на первом углу венчала вывеска «Коммерческий дом». В окне конторы под белым светом газового рожка трое прирожденных пессимистов растеклись в гостиничных креслах, угрюмо глядя на метель.

– Не плачь больше, леди, о, не плачь сегодня, – цинично напевал под нос мистер Мэги, поглядывая на одинокое окно второго этажа, желтевшее в ночи.

На углу, у маленькой лавки с вывеской «Бакалея и припасы», он остановился.

– Так-так, – размышлял он. – Свет, конечно, будет отключен. Значит, свечи. И что-нибудь для подкрепления сил, на случай если сейчас не сезон для поваров.

Он зашел внутрь, где его обслужила усталая старушка.

– Какие свечи? – осведомилась она с таким видом, будто у нее на складе был бесконечный выбор. Мистер Мэги вспомнил, что Рождество уже близко.

– Для елки, – пояснил он. И попросил две сотни.

– У меня только сорок осталось, – сказала женщина. – Для чего эта елка – для сиротского приюта?

С новой ношей в виде свертка из лавчонки мистер Мэги вышел и продолжил путь сквозь жалящий снег. Жители Аппер-Аскьюан-Фолс, спешащие домой к ужину, пронеслись мимо него в серебристой тьме. В освещенных окнах многих домов он видел зеленые рождественские венки. Наконец дома стали попадаться все реже, и он вышел на неровную дорогу, вьющуюся вверх. Один раз он услышал далекий лай собаки. Затем мимо него, покачиваясь, проехал экипаж, и чей-то зычный голос проклял ухабистую дорогу. Мистер Мэги едва заметно улыбнулся про себя, продолжая шагать вперед.

– Дон Кихот, мальчик мой, – пробормотал он, – теперь я понимаю, что ты чувствовал, когда шел на ветряные мельницы.

Не шум ветряных мельниц, а скрип калитки в разгар бури

заставил мистера Мэги наконец остановиться. Он с радостью зашагал по тропинке к двери Элайджи Куимби.

На веселый стук Билли Мэги вышел человек лет шестидесяти. Очевидно, он только что закончил ужинать; в этот момент он был занят тем, что раскуривал трубку. Он впустил мистера Мэги в уютную кухню и, прежде чем заговорить с гостем, сделал несколько спокойных, рассудительных затяжек. В этот промежуток гость бодро схватил его за руку, не заметив зажатой в ней горячей обгоревшей спички. Спичка упала на пол, после чего старший мужчина бросил тревожный взгляд на седовласую женщину, стоявшую у кухонной плиты.

– Моя фамилия Мэги, – весело пояснил джентльмен, втаскивая свои сумки. – А вы, конечно, Элайджа Куимби. Как поживаете? Рад вас видеть. – Он держался так, словно близко знал этого Куимби и встречал во многих странных уголках мира, где побывал сам.

Старший мужчина не ответил, а лишь удивленно разглядывал мистера Мэги сквозь белые клубы дыма. Лицо его было добрым, кротким и безвольным; ему явно не хватало той решительности, что выводит людей в дамки; это было заметно и по тому, как висел его галстук, и по тому, как подрагивали его худые руки.

– Да, – признал он наконец. – Да, я Куимби.

Мистер Мэги распахнул пальто, осыпав снегом безупречно чистый пол миссис Куимби.

– Я Мэги, – пояснил он снова, – Уильям Хэллоуэлл Мэги, тот самый человек, о котором вам писал Хэл Бентли. Вы ведь получили его письмо?

Мистер Куимби вынул трубку изо рта и в изумлении за-был закрыть его.

– Господи боже! – воскликнул он. – Вы это серьезно... вы и вправду приехали.

– Какого еще доказательства вы могли бы просить, – легкомысленно бросил мистер Мэги, – кроме моего присутствия здесь?

– Ну, – заикаясь, проговорил мистер Куимби, – мы... мы думали, это все шутка такая.

– У Хэла Бентли бывают минуты юмора, – согласился мистер Мэги, – но у него не в привычке разбрасываться своими шутками в Аппер-Аскьюан-Фолс.

– И... и вы действительно собираетесь... – Мистер Куимби не смог продолжать.

– Да, – бодро ответил мистер Мэги, опускаясь в кресло-качалку. – Да, я собираюсь провести следующие несколько месяцев в отеле «Болдпейт».

Миссис Куимби, которая, казалось, превратилась в плотную маленькую женщину-холмик от долгого стояния у жаркой плиты, вышла вперед и осмотрела мистера Мэги.

– Надо же такое придумать, – пробормотала она.

– Он закрыт, – возразил мистер Куимби, – отель закрыт, молодой человек.

– Я знаю, что он закрыт, – улыбнулся Мэги. – Именно поэтому я собираюсь почтить его своим присутствием. Мне жаль выводить вас на улицу в такую ночь, но я вынужден просить вас проводить меня к Болдпейту. Полагаю, таковы были инструкции Хэла Бентли – в том письме.

Мистер Куимби возвышался над мистером Мэги – изваяние честного американского труженика в одних рубашечных рукавах. Он нахмурился.

– Простите за прямой вопрос, молодой человек, – произнес он, – но от чего вы прячетесь?

Миссис Куимби, возившаяся у плиты, замерла, чтобы услышать ответ. Билли Мэги рассмеялся.

– Я не прячусь, – сказал он. – Разве Бентли не объяснил? Что ж, я попробую, хотя и не уверен, что вы поймете. Присаживайтесь, мистер Куимби. Вы, как я погляжу, не из тех, кто пристально следит за легкой и пустой современной литературой.

– Это вы о чем? – осведомился мистер Куимби.

– Вы не читаете, – продолжал мистер Мэги, – те романы, что продаются на вес в универмагах. Вот если бы у вас была дочь – такая ветреная девица, которая летом не вылезает из гамака, – она бы помогла мне объясниться. Видите ли... я пишу эти самые романы. Дикие, захватывающие истории для уставших жен уставших бизнесменов – выстрелы в ночи, погони за сокровищами, Купидон, палящий из лука направо и налево! Это весело, и мне это нравится. И это приносит

деньги.

– Неужели? – спросил мистер Куимби с тенью интереса.

– И немалые, – ответил мистер Мэги. – Но время от времени меня охватывает жажда создать что-то такое, что заставит критиков встрепенуться – что-то настоящее, понимаете? На днях я взял газету и увидел рекламу своего последнего детища: «Лучший осенний роман, когда-либо написанный Мэги». Это подействовало мне на нервы – я почувствовал себя литературной портнихой и прямо-таки увидел, как почтенная публика откладывает мой осенний роман и вздыхает в ожидании моих ранневесенних фасонов в прозе. Я вспомнил, как однажды один критик посоветовал мне уехать на десять лет в какое-нибудь тихое место и подумать. Я решил так и сделать. Отель «Болдпейт» и есть это тихое место.

– Вы же не хотите сказать, – ахнул мистер Куимби, – что собираетесь торчать там десять лет?

– Помилуйте, нет, – успокоил его мистер Мэги. – Критики преувеличивают. Двух месяцев хватит. Говорят, я дешевый мелодраматический пустозвон. Говорят, я не копаю глубоко. Говорят, сам процесс моего мышления – это просто курам на смех. Боюсь, они правы. И вот я отправляюсь в отель «Болдпейт», чтобы думать. Я собираюсь сбежать от мелодрамы. Я напишу роман настолько тонкий и литературный, что сам Генри Кэбот Лодж придет ко мне со слезами на глазах и попросит вступить в его компанию самозванных «Бессмертных». И все это я сделаю там, в отеле, восседая на

горе и взирая на этот старый грешный мир, как Юпитер взирал с Олимпа.

– Не знаю, о ком это вы, – возразил мистер Куимби.

– Это был бог – бог торговцев фруктами, – пояснил Мэги. – Представьте меня, если сможете, подавленным оглушительным успехом своего последнего детища. Представьте, как я встречаю Хэла Бенгли в клубе на Сорок четвертой улице и спрашиваю его, где находится самое одинокое место на земле. Хэл призадумался. «Есть такое, – сказал он, – самое одинокое место из ныне существующих – это летний курорт в разгар зимы. По сравнению с ним остров Робинзона Крузо покажется Кони-Айлендом в жаркое воскресенье». Разговор потек своим чередом, как и прочее. Хэл рассказал, что его отец владеет отелем «Болдпейт», а вы – его старый друг, который будет счастлив услужить ему. У него случайно оказался ключ от этого места – судя по весу, ключ от главной входной двери, – и он отдал его мне. А еще он написал вам, чтобы вы присмотрели за мной. Ну, вот я и здесь.

Мистер Куимби запустил пальцы в свои седые волосы.

– Вот я и здесь, – повторил Билли Мэги, – бегу от великого блеска Бродвея, чтобы немного здраво поразмыслить в уединении. Уже поздно, и я предлагаю немедленно выдвигаться к «Болдпейту».

– Это все как-то... не по правилам, – запротестовал мистер Куимби. – Нет, такое, прямо скажем, не каждый день случается. Я рад сделать все, что в моих силах, для молодого

мистера Бентли, но не могу не гадать, что скажет его отец. К тому же есть масса вещей, которые вы не приняли во внимание.

– Вот уж точно, молодой человек, – заметила миссис Куимби, решительно выступая вперед. – Как вы собираетесь греться в этой огромной машине?

– Номера на втором этаже, – ответил мистер Мэги, – как я слышал, оборудованы каминами. Мистер Куимби будет снабжать меня топливом из девственного леса, за что будет получать двадцать долларов в неделю.

– А свет? – спросила миссис Куимби.

– На первое время – свечи. У меня их сорок в том свертке. Позже, возможно, вы подберете мне масляную лампу. О, все будет устроено.

– Ну, – проговорил мистер Куимби, ошеломленно глядя на жену, – пожалуй, мне надо обсудить это с матерью.

Они вдвоем удалились в соседнюю комнату, и мистер Мэги, ожидая их возвращения, уставился на висевший на стене девиз «Боже, благослови наш дом». Вскоре они появились снова.

– А есть вы собирались? – саркастически осведомилась миссис Куимби. – Пока будете там обретаться?

– Непременно, – улыбнулся мистер Мэги. – По большей части я буду готовить сам из консервных банок, баночек и прочих... э-э... сомнительных источников. Но время от времени вы, миссис Куимби, будете присылать мне что-нибудь,

приготовленное так, как не умеет ни одна женщина в округе. Я вижу это по вашим глазам. И я, как смогу, постараюсь отплатить вам за это.

Он продолжал улыбаться в широкое, добродушное лицо миссис Куимби. У мистера Мэги был тот тип улыбки, который заставляет мужчин расставаться с десяткой до субботы, а женщин – закрывать глаза и грезить о сэре Ланселоте. Миссис Куимби не могла долго сопротивляться. Она улыбнулась в ответ. И тогда Билли Мэги вскочил на ноги.

– Решено! – воскликнул он. – Мы прекрасно поладим. А теперь – в «Болдпейт»!

– Погодите-ка, – сказала миссис Куимби. – Я не из тех, кто отпустит человека в «Болдпейт» голодным. Раз уж вы здесь, мы вроде как в ответе за вас. Вы просто присядьте, а я мигом соберу вам горячий ужин на стол.

Мистер Мэги не стал спорить по этому поводу и в течение получаса с удовольствием принимал советы, житейскую мудрость и еду. Когда он заверил миссис Куимби, что наелся впрок на все два месяца, которые намерен провести в отеле, вошел мистер Куимби, облаченный в огромный, довоенного образца дорожный плащ, с зажженным фонарем в руке.

– Значит, будете там сидеть и пописывать, – прокомментировал он. – Что ж, думаю, в покое вас там точно оставят.

– Надеюсь на это, – отозвался мистер Мэги. – Я хочу быть настолько одиноким, чтобы каждую ночь засыпать в рыданиях. Это единственный путь к бессмертию. До свидания,

миссис Куимби. В своей горной крепости я буду ждать от вас редких кулинарных вестей. – Он пожал ее пухлую руку; эта по-матерински заботливая маленькая женщина казалась последней нитью, связывающей его с миром реальности.

– До свидания, – улыбнулась миссис Куимби. – Будьте осторожны со спичками.

Мистер Куимби пошел вперед с фонарем, и вскоре они вышли на дорогу. Метель утихла, но было по-прежнему очень темно. Далеко внизу, в долине, мерцали огни Аппер-Аскьюан-Фолс.

– Кстати, Куимби, – заметил мистер Мэги, – есть в вашем городке девушка с голубыми глазами, светлыми волосами и статью королевы на прогулке по магазинам?

– Светлые волосы... – повторил Куимби. – Есть Салли Перри. Она преподает в методистской воскресной школе.

– Нет, – сказал мистер Мэги. – Боюсь, мое описание было слабовато. Та, о ком я говорю, когда плачет, создает полное ощущение тумана над морем на рассвете. Методисты на нее монополию не заявляли.

– Я читаю книги и читаю газеты, – отозвался мистер Куимби, – но многое из того, что вы говорите, не понимаю.

– Критики, – ответил Билли Мэги, – смогли бы объяснить. Моя стряпня только для непритязательной публики. Ведите же, мистер Куимби.

Мистер Куимби на мгновение замер в оцепенении. Затем он развернулся, и желтый свет его фонаря упал на ослепи-

тельный снег впереди. И два человека начали восхождение на гору Болдпейт.

Глава 2

Появление влюбленного галантерейщика

Отель «Болдпейт» не замер на цыпочках на туманной горной вершине. Вместо этого он с угрюмой решимостью прилепился к склону горы где-то на полпути к вершине, совсем как горожанин, вцепившийся в поручень открытого трамвая. Такое сравнение пришло на ум мистеру Мэги, хотя он тут же понял, что из-за погодных условий оно сомнительно. Ведь открытый трамвай навевает мысли о лете и бейсбольном стадионе, тогда как «Болдпейт», мрачно возникший перед взором мистера Мэги, воплощал зиму в самом суровом ее проявлении.

Вокруг огромной черной громады отеля, подобно рукам, тянулись широкие веранды. Мистер Мэги указал на них своему спутнику:

– Эти крыльца, балконы и прочее, – сказал он, – пригодятся, чтобы охлаждать пылающее чело гения.

– В этих краях лихорадка – редкость, – заверил его практичный Куимби, – особенно зимой.

Присмирив, мистер Мэги последовал за фонарем Куимби по снегу к широким ступеням и далее к массивной парадной двери. Там Мэги извлек из-под пальто внушительный ключ.

Мистер Куимби было дернулся помочь, но его решительно отстранили.

– Это церемония, – объявил ему мистер Мэги. – Когда-нибудь об этом напишут в воскресных газетах. Отель «Болдпейт» открывает свои двери великому американскому роману!

Он вставил ключ в замок, повернул его, и дверь распахнулась. Самый ледяной порыв ветра, который мистер Мэги когда-либо встречал, вырвался из темного нутра здания. Он вздрогнул и плотнее запахнул пальто. Ему почудилась белая тропа из Доусона, ездовые собаки, плетущиеся с тающими запасами провизии, и толстый эскимос-проводник, выпрашивающий леденцы у него под боком.

– Уф! – воскликнул он. – Мы открыли еще один полюс!

– Это застоявшийся воздух, – заметил Куимби.

– Вы имеете в виду полярную атмосферу, – отозвался Мэги. – Да, она порядком застоялась. Джек Лондон и доктор Кук заездили ее до смерти.

– Я имею в виду, – пояснил Куимби, – что этот воздух слишком долго пробыл здесь в одиночестве. Он несвежий, как на прошлой неделе газета. Его и миллионом костров не прогреешь. Сначала придется впустить немного теплого воздуха снаружи.

– Теплого воздуха... хм, – пробормотал мистер Мэги. – Век живи – век учись.

Они стояли вдвоем в огромной пустой комнате. Ковры

были убраны, а мебель, что осталась, сбилась в кучу в центре зала, словно пытаясь согреться. Когда они сделали шаг вперед, стук их подошв по твердому дереву прозвучал как гул, способный поднять мертвого.

– Это вестибюль отеля, – пояснил мистер Куимби.

Слева от двери находилась стойка администратора; за ней высился огромный сейф и ряды ячеек для почты постояльцев. Напротив входной двери широкая лестница вела на промежуточную площадку, где ступени «разводились» и уходили вправо и влево в поисках верхнего этажа. Мистер Мэги критически осмотрел лестницу.

– Шикарное место, – заметил он, – чтобы хвастаться талантами своего портного, а, Куимби? Вы только представьте: по этой лестнице величественно спускаются дамы в сногшибательных платьях, а у молодых людей внизу в груди все так и замирает!

– Нет, не представляю, – честно признался мистер Куимби.

– Я, по правде говоря, тоже, – рассмеялся Билли Мэги. Он поднял воротник. – Это все равно что воображать девицу в летнем сарафане, которая сидит на айсберге и болтает ножками в ажурных чулках над обрывом. Полагаю, регистрироваться в книге гостей необязательно? Я пойду прямо наверх и выберу себе апартаменты.

Выбор мистера Мэги пал на анфиладу комнат под номером семь. Его королевство состояло из просторной гостиной

с камином, который пара пылающих поленьев могла бы сделать уютным, спальни, где на кровати не было ничего, кроме матраса и сеток, и ванной комнаты. Здесь вся мебель тоже была свалена в кучу в центре комнат. После того как Куимби открыл окна, он принялся расставлять ее по местам.

Мистер Мэги осмотрел свои покои. Все окна были низкими, во французском стиле, и выходили на широкий, засыпанный снегом балкон, который на деле служил крышей веранды первого этажа. На этом балконе Мэги постоял с минуту, глядя, как деревья на горе Болдпейт машут в ночи своими черными ветвями-руками, а огни Аппер-Аскьюан-Фолс многозначительно подмигивают ему снизу. Затем он вернулся в дом и в ходе своих изысканий вскоре добрался до ванны.

– Прекрасно! – воскликнул он. – Ледяное погружение по утрам, прежде чем начнется ежедневная битва за бессмертие.

Он повернул кран. Ничего не произошло.

– Сдается мне, – донесся из спальни ленивый голос мистера Куимби, – что ледяное погружение вам придется таскать из колодца позади отеля, прежде чем вы в него погрузитесь. Вода перекрыта. Мы не можем рисковать – трубы полопаются.

– Ну конечно, – ответил Мэги уже менее бодро. Его пыл был несколько охлажден – вот парадокс – тем, что кран не пожелал исторгнуть ответную струю. – Нет ничего, что доставило бы мне больше удовольствия, чем таскать каждое

утро наверх восемь ведер воды, чтобы нагулять аппетит перед... чем? Ну да ладно, Бог подаст. Куимби, если мы вознамерились обогреть великие американские просторы, самое время разжечь огонь.

Мистер Куимби вышел без лишних слов, оставив Мэги зажигать свою первую свечу в темноте. Какое-то время тот был занят тем, что зажег несколько штук из своих сорока и расставил их по комнате. Вскоре вернулся Куимби со щепками и бревнами, и вот уже в камине зашумело веселое пламя. Куимби снова удалился и притащил охапку постельных принадлежностей, которые бросил на латунную кровать в спальне. Затем он медленно закрыл и запер окна, после чего подошел и с добродушным презрением посмотрел на мистера Мэги, сидевшего в кресле перед огнем.

– Я бы на вашем месте тут особо не разгуливал, – посоветовал он. – Свалитесь куда-нибудь или вроде того. Я в этих краях живу, считай, лет шестьдесят с лишним, но ничего подобного раньше не видывал. Впрочем, раз мистер Бентли говорит, что все в порядке, значит, так оно и есть. Я приду утром и провожу вас к поезду.

– К какому поезду? – осведомился мистер Мэги.

– К вашему поезду обратно в Нью-Йорк, – ответил мистер Куимби. – Ночью не пытайтесь уйти. До утра поездов не будет.

– Эх, Куимби, – рассмеялся мистер Мэги, – вы надо мной издеваетесь. Думаете, я не выдержу. Но я вам покажу! Гово-

рю же вам, я жажду одиночества.

– Это все ладно, – отозвался мистер Куимби, – но одним одиночеством трижды в день сыт не будешь.

– Я в отчаянии, – заявил Мэги. – Генри Кэбот Лодж должен прийти ко мне, говорю вам, со слезами на глазах. Видели когда-нибудь сенатора в таком состоянии? Нет? Это будет нелегкая задача. Я обязан справиться. Я должен проникнуть в самые глубины человеческих сердец здесь, наверху, и записать то, что найду. Никаких больше выстрелов в ночи. Только приключения души с душой. Понимаете? Кстати, вот двадцать долларов – ваше жалованье за первую неделю в качестве опекуна нью-йоркского Кихота.

– Это кто такой? – спросил Куимби.

– Кихот, – пояснил мистер Мэги, – был таким испанским малым, у которого в голове все немного перепуталось, и он разъезжал по стране, останавливаясь на летних курортах в середине зимы.

– От испанца я бы такого и ожидал, – буркнул Куимби. – Поосторожнее с огнем. Зайду утром. – Он спрятал купюру, которую дал ему мистер Мэги. – Думаю, вашему одиночеству ничто не помешает. По крайней мере, надеюсь на это. Спокойной ночи.

Мистер Мэги пожелал ему доброй ночи и прислушался к тяжелому топоту его сапог и стуку закрывшейся парадной двери. Из окон он наблюдал, как смотритель спускается по дороге, не оборачиваясь, пока тот не исчез окончательно в

белой ночи.

Сбросив тяжелое пальто, мистер Мэги с шумом принялся ворошить угли. Пламя багровым светом озарило его волевым, ироничный рот и смеющиеся глаза. Затем, в мерцающих полутенях седьмого номера, он распределил содержимое своих дорожных сумок. На столе он разложил пачку свежих журналов и несколько книг.

Затем мистер Мэги опустился в большое кожаное кресло перед камином и перевел дух. Вот он наконец и здесь. Безумный план, который они с Хэлом Бентли состряпали в том клубе на Сорок четвертой улице, действительно воплотился в жизнь.

«Уединение!» – вскричал тогда Мэги.

«Бермуды», – предложил Бентли.

«Смесь морской болезни, гостиничных клерков и молодых людей!» – фыркнул искатель одиночества.

«Какое-нибудь зимнее местечко на Юге», – не сдался Бентли.

«И флирт, подстерегающий за каждым углом!» – отрезал Мэги.

«Захолустный городок, где ты никого не знаешь».

«Самое подходящее место в мире, чтобы со всеми перезнакомиться. Мне нужно быть одному, старина! Одному!»

«Отель „Болдпейт“!» – воскликнул Бентли на своем жаргоне. – Послушай, Билли, „Болдпейт“ на Рождество – это же воплощение самого мистера Одиночества».

Да, вот он здесь. И вот оно, то самое уединение, за которым он приехал. Мистер Мэги нервно огляделся, и улыбка в его серых глазах угасла. Впервые его кольнуло дурное предчувствие. Не может ли быть слишком много... хорошо? Воцарилась тишина, подобная могильной. Он вспомнил рассказы о людях, сошедших с ума от безлюдья. Какое место может быть еще более одиноким? Ветер дребезжал оконными рамами и завывал на балконе. За его дверью раскинулась огромная черная пещера – летом шумная от голосов мужчин и девушек, а теперь похожая на остров Робинзона до того, как старик на него высадился.

– «Один, один, совсем один», – процитировал мистер Мэги. – Если я не смогу здесь думать, значит, у меня просто не тот мыслительный аппарат. Но я смогу. Я докажу этим старым угрюмым критикам! Интересно, что сейчас делается в Нью-Йорке?

Нью-Йорк! Мистер Мэги взглянул на часы. Восемь вечера. Великая улица в огнях. Толпы шествуют из ресторанов в театры. Электрические вывески лепили на многострадальное небо свои кричащие легенды; такси выплескивали в глотки прохожих бензиновую гарь; а регулировщик на углу Бродвея и Сорок второй улицы неистово отработывал свое жалованье. Мистер Мэги встал и принялся мерить комнату шагами.

Наверное, телефон в его нью-йоркских апартаментах сейчас разрывался от звонков, тщетно призывая Билли Мэги

пофлиртовать с Амариллис в тени каучуковых деревьев – того самого Билли Мэги, что сидел в полном одиночестве и тишине на горе Болдпейт. Немногие знали о его отъезде. В этот вечер в «Плазе» намечалась глупая затея с домашним спектаклем – глупая сама по себе, но веселая, почти головокружительная, ведь там должна была быть Элен Фолкнер. В этот вечер в клубе давали ужин в честь Кэри. В этот вечер происходило много чего занимательного.

Мистер Мэги взял журнал. Он гадал, как в старые добрые времена люди читали при свечах. Интересно, сочли бы они его собственные рассказы достойными того, чтобы портить зрение? И еще он гадал, так ли уж необходимо абсолютное одиночество для написания романа, который навсегда заставит умолкнуть тех, кто насмехался над его талантом.

Абсолютное одиночество! Компанию ему составляли лишь треск поленьев, рев ветра да тиканье часов. Он подошел к окну и посмотрел на редкие тусклые огни, свидетельствовавшие о существовании Аппер-Аскьюан-Фолс. Где-то там был «Коммерческий дом». Где-то там – девушка, так горько плакавшая в унылом зале ожидания. До нее было всего три мили, и эта мысль подбодрила мистера Мэги. В конце концов, он не на необитаемом острове.

И все же он был один – пронзительно, почти мучительно одинок. Один в огромном стонущем доме, который должен стать его единственным пристанищем, пока он не вернется в шумный город со своим шедевром. Что это будет за ше-

девр! Словно скальпелем хирурга, он обнажит людские сердца. Никаких сюжетных трюков, никаких...

Мистер Мэги осекся. Ибо в тишине резко и отчетливо зазвонил телефон в его номере.

Мгновение он стоял, в изумлении глядя на висевший на стене аппарат, а сердце его бешено колотилось. Это был внутренний телефон; он знал, что позвонить по нему можно только с коммутатора внизу, в холле. «Я уже схожу с ума», – заметил он и снял трубку.

Гул голосов, электрическое бормотание, щелчок – и все стихло.

Мистер Мэги открыл дверь и шагнул в тени коридора. Снизу донесся голос. Бесшумно прокравшись к лестничной площадке, он заглянул в вестибюль. У телефонного коммутатора сидел молодой человек; в тусклом свете одинокой свечи мистер Мэги разглядел, что незнакомец облачен в довольно кричащие одежды. Свеча стояла на крышке сейфа, дверца которого была распахнута. Опустившись на ступени в темноте, мистер Мэги замер.

– Алло, – говорил молодой человек, – как вообще работает эта штукавина? Я перепробовал все штекеры, кроме нужного. Алло, алло! Мне нужен межгород – Рейтон. 2876 Вест, мистера Энди Раттера. Соедините меня, сестренка?

Последовало еще одно ожидание – долгое. Свеча затрещала. Молодой человек ерзал на стуле. Наконец он заговорил снова:

– Алло! Энди? Это ты, Энди? Что слышно хорошего? Тут тихо, как в гробнице Наполеона. Закрывать лавочку? Конечно. Что дальше? Ой, слушай, Энди, я тут загнусь. Ты когда-нибудь бывал в таких местах зимой? Я не могу... я... ну ладно, раз он так говорит. Да. Я мог бы это сделать. Но недолго. Долго я не выдержу. Так ему и скажи. Передай, что все о'кей. Да. Идет. Ну, спокойной ночи, Энди.

Он отвернулся от коммутатора, и в этот момент мистер Мэги спокойно спустился к нему по лестнице. С криком молодой человек метнулся к сейфу, бросил внутрь какой-то сверток и захлопнул дверцу. Он несколько раз крутанул ручку замка, после чего повернулся к мистеру Мэги. Тот увидел, как в его руке что-то блеснуло.

– Добрый вечер, – любезно заметил мистер Мэги.

– Что вы здесь делаете? – дико вскрикнул юноша.

– Я здесь живу, – заверил его мистер Мэги. – Не подниметесь ли ко мне в номер? Он прямо на вершине лестницы. Знаете ли, у меня там горит камин.

На худое, ястребиное лицо молодого человека вернулась уверенность, подобающая его кричащему наряду. Он уронил револьвер в карман и насмешливо улыбнулся.

– Ну и напугали вы меня, – сказал он. – Конечно, вы здесь живете. А другие гости уже в сборе? И кто сегодня выиграл теннисный матч?

– Вы остроумны. – Мэги тоже улыбнулся. – Тем лучше. Оживленный собеседник – как раз то, что я бы заказал себе

на этот вечер. Поднимайтесь.

Молодой человек подозрительно огляделся, его тонкий нос, казалось, вынюхивал заговоры. Он кивнул и взял свечу.

– Ладно, – согласился он. – Но я попрошу вас идти первым. Вы знаете дорогу. – Его правая рука нащупала карман, в который опустился револьвер.

– Вы оказываете честь моему бедному дому, в котором гуляют сквозняки, – сказал мистер Мэги. – Сюда, пожалуйста.

Он поднялся по лестнице. За ним следовал юноша в аляпистом одеянии, испуганно озираясь по сторонам. Он, казалось, был удивлен, что они добрались до комнаты Мэги без происшествий. Внутри мистер Мэги пододвинул кресло к камину и предложил гостю сигару.

– Вы, должно быть, замерзли, – сказал он. – Садитесь здесь. «Скверная выдалась ночка, незнакомец», как говорят в романах.

– И не говорите, – ответил молодой человек, принимая сигару. – Спасибо. – Он подошел к двери, ведущей в коридор, и оставил ее приоткрытой примерно на фут. – Боюсь, – шутливо пояснил он, – мы заболтаемся и пропустим звонок к завтраку. – Он опустился в кресло и прикурил сигару от огарка свечи. – Слушайте, никогда ведь не угадаешь, верно? Когда я карабкался на этот Болдпейт, я думал: «Да этот отель на фоне пустыни Сахара выглядит как уютный уголок». А тут вы – устроились так славно и по-домашнему, будто в гарлемской квартире. Никогда не угадаешь. Ну и что теперь?

Рассказать историю моей жизни?

– Вы могли бы поведать, – произнес мистер Мэги, – ту ее часть, что привела вас сюда, нарушив покой джентльмена, ищущего уединения в отеле «Болдпейт».

Незнакомец посмотрел на мистера Мэги. У него был такой взгляд, который не просто смотрит, а взвешивает, оценивает и классифицирует. Мистер Мэги встретил его с улыбкой.

– Нарушил покой, значит? – сказал молодой человек. – Далеко я от того, чтобы ссориться с человеком, который курит такие отличные сигары, как вы... но тут есть одна штука, которую я не до конца протек. А именно – кто из нас нарушитель: я или вы?

– Мое право находиться здесь, – заявил мистер Мэги, – неоспоримо.

– Слово громкое, – ответил другой, – но его можно приклеить и к моему праву, и это не будет ложью. Спорить мы не можем, так что оставим это. Раз с этим покончено, я воодушевлен излить вам душу и рассказать, почему вы видите меня здесь сегодня, вдали от безумной толпы. У вас найдется лишняя слеза? Она вам понадобится. Это печальная, трогательная история, замешанная на галантере, доверчивом сердце и прекрасной женщине – прекрасной, но ох какой вероломной!

– Продолжайте, – рассмеялся мистер Мэги. – Я поклонник живого воображения. Прошу вас, не сдерживайте свое.

– Все чистая правда, – обиженным тоном произнес

гость. – Каждое слово. Зовут меня Джозеф Блэнд. Моей профессией, пока любовь не ворвалась в мою жизнь, была торговля мужским платьем и галантереей. В городе Рейтон, что в пятидесяти милях отсюда, я обучал местных щеголей тому, что нынче носят в Лондоне по части галстуков. Я продавал им пиджаки с ватными плечами и воротнички, высокие и внушающие трепет. Я был счастлив, повязывая шелковый лоскут на руку, дабы показать им, как это будет смотреться на их вздымающейся груди. А потом... появилась она.

Мистер Блэнд затянулся сигарой.

– Да, – произнес он, – Арабелла воссияла на горизонте моей жизни. Когда я проживу здесь, в тишине, века этак два, возможно, я смогу воздать должное ее красоте. Сейчас я даже не стану пытаться ее описывать. Я любил ее... безумно. Она говорила, что я произвел на нее впечатление. Я спускал на нее всю прибыль своей галантереи. Я шептал ей о женитьбе. Она не кричала от ужаса. Я уже выбрал себе свадебный галстук из образцов одного коммивояжера из Трои. – Он сделал паузу и посмотрел на мистера Мэги. – Вы когда-нибудь замирали вот так, на самом краю пропасти?

– Никогда, – ответил Мэги. – Но продолжайте. Ваша история странным образом меня захватывает.

– Дальше – попрошу ту самую слезу, о которой я говорил. На сцене внезапно возник человек, которого она знала и любила еще в Джерси-Сити. Я сказал – возник? Нет, он ворвался. Щеголь – ну, скажу я вам, он обставил бы самого

Джона Дрю на два лиловых галстука и один пурпурный сюртук. За моей спиной была целая галантерея. Бесплезно. Он перещеголял меня в одежде. Я видел, как любовь Арабеллы ко мне угасает. Своими руками в замшевых перчатках этот новый парень раздул старое пламя.

Он замолчал. Чувства – или дым сигары – перехватили ему дыхание.

– Давайте покороче, – сказал он. – Она меня бросила. В своей лавке я все обдумал. Мне было тошно, горько. Я решился на ужасный шаг. Ночью я написал ей письмо, отнес его к почтовому ящику и отправил. Жизнь без Арабеллы, говорилось в письме, – это Шекспир без Гамлета. Там были намеки на реку, карболовую кислоту, револьверы. Да, я его отправил. И тогда...

– И тогда? – поторопил его мистер Мэги.

Мистер Блэнд нежно коснулся булавки в виде подковы на своем фиолетовом галстуке.

– Это только между нами, – сказал он. – Тут-то и начались неприятности. А все из-за того, что я по природе очень храбрый человек. Умереть я мог бы – запросто. По-настоящему смелым поступком было остаться в живых. Продолжать жить, день за днем, лишенным Арабеллы – вот на это, скажу я вам, требовалось мужество. Я захотел попробовать. Я человек отважный, как я уже говорил.

– Похоже на то, – согласился мистер Мэги.

– Сердце льва, – подтвердил мистер Блэнд. – Я твердо ре-

шил проявить твердость духа и жить дальше. Но оставалось мое письмо к Арабелле. Я боялся, что она не оценит моей храбрости – женщины порой тугодумы. Мне пришло в голову, что она может обидеться, если я не сдержу слово и не умру. Поэтому мне пришлось... исчезнуть. У меня был друг, замешанный в делах «Болдпейта». Нет, имени назвать не могу. Я рассказал ему свою историю. Он был впечатлен силой моего духа, как и вы. Он дал мне имевшийся у него ключ – ключ от двери, ведущей с восточной веранды в столовую. Так я и оказался здесь. Я пришел сюда, чтобы побыть одному, простить и забыть, и самому быть забытым. И, возможно, спланировать открытие новой галантереи в дальних краях.

– А тот сверток, что вы бросили в сейф, когда увидели меня, – спросил мистер Мэги, – это был ваш свадебный галстук?

– Нет, – ответил мистер Блэнд, глубоко вздохнув. – Пачка писем, написанных мне Арабеллой в разное время. Я хочу их забыть. Если бы они были под рукой, я мог бы время от времени в них заглядывать. Мое великое мужество могло бы пошатнуться – и вы нашли бы мое тело на лестнице. Вот почему я их спрятал.

Мистер Мэги рассмеялся и протянул ему руку.

– Поверьте мне, – произнес он, – ваше трогательное доверие не будет предано. Поздравляю вас с вашим даром рассказчика. Вы хотите знать мою историю. Почему я здесь? Не уверен, что она достойна стоять в одном ряду с вашей. Но в

ней есть свои плюсы – по крайней мере, в том виде, в каком я ее продумал.

Он подошел к столу и взял популярный роман, на котором покоился его взгляд, пока галантерейщик плел свою канву из любви и мрака. На обложке была изображена весьма эффектная девица.

– Видите эту девушку? – спросил он. – Она прекрасна, не так ли? Полагаю, даже Арабелла в свои лучшие моменты могла бы кое-чему у нее поучиться. Возможно, вы не в курсе, какую важную роль такой портрет играет в успехе современного романа. Истина же в том, что благородное искусство прозы все сильнее опирается на иллюстраторов. Сами слова, идущие в ход вместе с картинками, с каждым днем значат все меньше. В нашей стране сейчас десятки именитых романистов, которые могли бы пойти в галантерейщики, если бы не длинноногие, худощавые и надменные леди, со вкусом рассыпанные по страницам их творений.

Мистер Блэнд беспокожно заерзал.

– Вижу, вы в недоумении: какое отношение все это имеет к моим поискам уединения и покоя? – продолжал мистер Мэги. – Я – художник. Годами я рисовал этих прелестных дам, благодаря которым беллетристика расходуется в массах. Не один романист обязан моему перу своим автомобилем и загородным домом. Два месяца назад я решил навсегда покончить с иллюстрацией и посвятить все время живописи. Я повернулся к писателям спиной. Можете представить, что

произошло?

– Мое воображение немного утомилось, – извинился мистер Блэнд.

– Ничего страшного. Я вам расскажу. Ведущие авторы, чьи труды я так долго иллюстрировал, увидели, как разорение заглядывает им в лицо. Они пришли ко мне – фигурально выражаясь, на коленях. Они молили. Они заклинали. Они прятались в вестибюле моей квартиры... то есть студии. Подкупив дворника, они даже поднимались ко мне на кухонном лифте. Они не принимали отказа. Чтобы спастись от них и их поистине жалких просьб, мне пришлось бежать. У меня как раз нашелся друг, причастный к управлению отелем «Болдпейт». Я не вправе называть его имя. Он дал мне ключ. И вот я здесь. Полагаюсь на вас – храните мой секрет. Если увидите на горизонте романиста, не теряйте ни секунды и предупредите меня.

Мистер Мэги умолк, внутренне посмеиваясь. Он стоял, глядя сверху вниз на сокрушенного любовью галантерейщика. Тот поднялся и торжественно пожал руку Мэги.

– Я... я... ну, старина, ты меня обставил по всем статьям, – выдал он.

– Вы не хотите сказать, что... – начал было задетый за живое Мэги.

– О, все в порядке, – заверил его мистер Блэнд. – Я верю каждому слову. Для меня все это так же реально, как галантерейная лавка. Буду смотреть в оба, чтобы не пропустить

ни одного романиста. Вот только что меня задевает: если выжать суть из наших двух историй, то я пришел сюда, чтобы быть одному. Вы хотите быть один. Но мы не можем быть одни здесь вместе. Одному из нас придется убраться.

– Чепуха, – ответил Билли Мэги. – Я буду рад вашему соседству. Оставайтесь сколько пожелаете.

Галантерейщик посмотрел мистеру Мэги прямо в глаза, и тот был поражен враждебностью, которую увидел в лице собеседника.

– Суть в том, – отрезал мистер Блэнд, – что я *не хочу*, чтобы вы были здесь. Почему? Может, потому что вы напоминаете о прекрасных дамах с обложек, а значит – об Арабелле. Может... да что толку? Скажу просто: я должен быть один. Один на горе Болдпейт. Сегодня я вас не выгоню...

– Послушайте, любезный, – воскликнул мистер Мэги, – ваше горе вскружило вам голову. Вы не выставите меня отсюда ни сегодня, ни завтра. Я здесь остаюсь. И вы вольны сделать то же самое, если угодно. Но вы остаетесь – со мной. Знаю, вы человек храбрый, но понадобится как минимум десяток таких храбрецов, чтобы выдворить меня из «Болдпейта».

Мгновение они стояли, меряя друг друга взглядами. Тонкие губы Блэнда искривились в усмешке.

– Посмотрим, – бросил он. – Разберемся со всем этим утром. – Его тон стал более примирительным. – Пойду выберу себе какое-нибудь пуховое ложе в одной из комнат и

завалюсь спать. Скажу вам, я бы обнял одеяло как старого друга, которого сто лет не видел.

Мистер Мэги выделил ему часть постельных принадлежностей, полученных от Куимби, и проводил мистера Блэнда в десятый номер через коридор. Он разъяснил вопрос о «застоявшемся воздухе» и помог открыть окна. Беседа носила в основном шуточный характер, и последнее замечание мистера Блэнда касалось женского непостоянства. Обменявшись бодрим «спокойной ночи», мистер Мэги вернулся в седьмой номер.

Однако он не спешил к зябкой латунной кровати в спальне. Вместо этого он долго сидел у огня, размышляя о событиях первых часов в этом якобы безлюдном убежище, где он должен был остаться наедине со своими мыслями. Он обдумывал повадки этого легкомысленного юноши, выдававшего себя за убитого горем галантерейщика, за чьим напускным легкомыслием явно скрывалась враждебность. Кто такой Энди Раттер из Рейтона? Что имел в виду этот малый, когда спрашивал, не пора ли «закрывать лавочку»? Кто этот таинственный «он», от которого исходили приказы? И, что важнее всего, что лежало в свертке, покоящемся ныне в огромном сейфе?

Мистер Мэги улыбнулся. Неужели из этого и соткано одиночество? Он вспомнил нелепую литературную байку, которую выдумал в противовес трогательной фикции об Арабелле, и его улыбка стала еще шире. Его воображение, по край-

ней мере, было в добром здравии. Он глянул на часы. Без четверти двенадцать. Вероятно, в «Плазе» сейчас ужинают, и Хелен Фолкнер выслушивает банальности юного Уильямса. Он поудобнее устроился в кресле, чтобы подумать о мисс Фолкнер. Он думал о ней ровно десять секунд, после чего подошел к окну.

Взошла луна, и заснеженные крыши Аппер-Аскьюан-Фолс сверкали в небесном сиянии. Под одной из этих крыш спала – и больше не плакала, он надеялся, – та девушка с вокзала. У нее определенно были глаза, способные зацепить даже самого невозмутимого мужчину, к каковой породе мистер Мэги с гордостью себя причислял. Ему хотелось бы увидеть ее снова; поговорить с ней без вмешательства этой невыносимой «маменьки».

Мистер Мэги обернулся к комнате. От костра остались лишь тлеющие красные угли. Он сбросил халат и принялся расшнуровывать ботинки.

«В моих романах было слишком много грубой мелодрамы, – размышлял он. – Ее так легко писать. Но здесь я уйду от всего этого. Я собираюсь...»

Мистер Мэги замер с ботинком в руке. Ибо снизу донесся резкий сухой хлопок пистолетного выстрела, а следом – звон разбитого стекла.

Глава 3

Блондинки и суфражистки

Мистер Мэги нырнул в халат, схватил свечу и, точно мальчик из детского стишка – в одной ботинке, а другой босой, – выбежал в коридор. Внизу царили тишина и мрак. Он спустился на лестничную площадку и замер, высоко подняв свечу над головой. Она отбрасывала тусклый свет лишь до подножия лестницы, быстро проигрывая битву теням, лежавшим за его пределами.

– Привет, – донесся из темноты голос Блэнда-галантерейщика. – Статуя Свободы, клянусь жизнью! Кого будете изображать следующим?

– Кажется, тут что-то происходит, – отозвался мистер Мэги.

Мистер Блэнд вышел на свет, полураздетый, с револьвером в руке.

– Кто-то пытался войти через парадную дверь, – пояснил он. – Я выстрелил, чтобы отпугнуть его. Вероятно, один из ваших романистов.

– Или Арабелла, – заметил мистер Мэги, спускаясь.

– Нет, – ответил Блэнд. – Я отчетливо видел котелок.

Вместе с мистером Мэги спустился и желтый свет свечи. Разогнав тени в вестибюле, он высветил матрас, лежащий

на полу рядом со стойкой администратора, за которой стоял сейф. На матрасе в беспорядке валялись постельные принадлежности, которые Мэги презентовал галантерейщику – тот в спешке отбросил их, когда вскакивал.

– Вы предпочитаете спать здесь? – прокомментировал мистер Мэги.

– Поближе к письмам Арабеллы – да, – ответил Блэнд. Его пронизательные глаза встретились с глазами Мэги. В них читался вызов.

Мистер Мэги обернулся, и желтый свет свечи слабо замирал на огромной парадной двери. И как раз в тот момент, когда он на нее смотрел, дверь распахнулась, и странная фигура мужчины возникла на фоне сверкающего снега. Рука мистера Блэнда взметнулась вверх.

– Не стреляйте! – крикнул Мэги.

– Нет, пожалуйста, не надо, – взмолился человек в дверном проеме. Борода, пара круглых совиных очков и нелепые меховые наушники оставляли лишь намеки на лицо то тут, то там. Он закрыл дверь и вошел в комнату. – Уверяю вас, я имею здесь полное право находиться, хотя мое прибытие несколько необычно. Смотрите – у меня есть ключ. – Он поднял большой латунный ключ, точную копию того, что Хэл Бентли вручил мистеру Мэги в том далеком клубе на Сорок четвертой улице.

– Ключей – хоть завались, – угрюмо проворчал мистер Блэнд.

– Я не держу зла за стрельбу, – продолжал новопривыкший. Он снял котелок и с прискорбием осмотрел дыру в тулье. Его лысая голова казалась необычайно откровенной и беззащитной над лицом, скрытым столькими «маскировками». – Вполне естественно, что люди, оставшиеся одни на горе, защищаются от незваных гостей в два часа ночи. Я едва уцелел, но зла не держу.

Он заморгал, его дыхание вырывалось белым облачком в холодной комнате.

– Жизнь, молодые люди, – заметил он, ставя сумку и прислоняя к ней зеленый зонт, – преподносит сюрпризы даже в шестьдесят два года. Вчера вечером я уютно устроился у камина в своей библиотеке, готовя статью о «Языческом Ренессансе». А сегодня я на горе Болдпейт с продырявленной шляпой.

Мистер Блэнд вздрогнул.

– Я возвращаюсь в постель, – буркнул он с отвращением.

– Сперва, – продолжил джентльмен с дырявым котелком, – позвольте представиться. Я профессор Тадеуш Болтон, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения в крупном восточном университете.

Мистер Мэги пожал руку профессора, облаченную в митенку.

– Уверен, рад вас видеть, – сказал он. – Меня зовут Мэги. Это мистер Блэнд – он порывист, но почтенен. Надеюсь, вы простите его первый «салют». Что значит пуля между

джентльменами? Мне кажется, поскольку объяснения могут затянуться, а в этой комнате очень холодно, нам лучше подняться ко мне, там горит камин.

– Восхитительно! – воскликнул старик. – Камин. Я мечтаю его увидеть. Идемте же в вашу комнату, непременно.

Мистер Блэнд угрюмо прошествовал к своему матрасу, подхватил пестрое стеганое одеяло и обмотал им свою художавую фигуру.

– Это решительно последнее собрание по обмену опытом, которое я посещаю сегодня ночью, – проворчал он.

Они поднялись в седьмой номер. Мистер Мэги подбросил свежих дров в огонь; мистер Блэнд проследил за тем, чтобы дверь не закрывалась плотно. Профессор снял, наряду с прочей походной амуницией, свои наушники, соединенные резинкой. Он помахивал ими перед собой, точно парой задорных оторванных ушей.

– Слабость старика, – заметил он. – Вам они могут показаться нелепыми. Но уверяю вас, они были мне полезными спутниками при восхождении на Болдпейт в такой час.

Он опустился в самое большое кресло, какое было в номере, и из его глубин благодушно улыбнулся молодым людям.

– Но я ведь здесь не для того, чтобы оправдываться за свой наряд, верно? Едва ли. Вы спрашиваете себя: «Почему он здесь?» Да, именно этот вопрос не дает вам покоя. Что заставило этого домашнего профессора колледжа променять «Языческий Ренессанс» на отель «Болдпейт»? Чтобы отве-

тить, я должен попросить вас перенестись со мной на неделю назад и взглянуть на одну картину из того довольно унылого академического калейдоскопа, что представляет собой моя жизнь.

Я сижу за кафедрой на помосте в пустой желтой комнате. Передо мной, ряд за рядом, сидят сто молодых людей в различных позах невнимания. Я пытаюсь рассказать им об идеальной поэзии, ознаменовавшей возрождение саксонского гения. Им скучно. А я... ну, господа, признаюсь по секрету, даже ум профессора колледжа, случается, уходит далеко в сторону от предмета лекции. И тут – я начинаю читать поэму... поэму, описывающую женщину, умершую более шестисот лет назад. Ах, господа...

Он выпрямился на краю своего огромного кресла. За толстыми линзами его очков горели глаза, которые все еще умели вспыхивать.

– Сейчас не эпоха романтизма, – сказал он. – Наши люди роются в грязи ради доллара. Их видения гибнут. Их души черствеют. И все же время от времени в самые неподходящие моменты случается вспышка, открывающая нам то величие, которое могло бы быть. Один мой знакомый джентльмен мельком увидел идеальное счастье прямо посреди попытки монополизировать рынок маринованных огурцов. Другой разработал схему совершенной оды к изначальной чистоте женщины – в бродвейском ресторане. Так же, как молния прорезает самое черное небо, приходят и наши

поэтические мгновения.

Мистер Блэнд плотнее закутался в свое пестрое одеяло. Мистер Мэги ободряюще улыбнулся новому рассказчику.

– Буду краток, – продолжил профессор Болтон. – Небо знает, что та педагогическая обитель была не лучшим местом для видений, а те атлетичные юноши – не лучшей компанией для души, пустившейся в пляс. И все же... я потерял голову. Пока я читал, в моем сердце ожил трепет, которого я не знал сорок лет. Поэт воспевал ее волосы: «Ее золотые кудри, свитые как тонкая проволока, рассыпались свободно по плечам», – и я увидел, как во сне (гхм, я могу вам доверять, господа?) девушку, которую, как мне казалось, я навсегда забыл под прахом и пылью прожитых лет. Не буду углубляться в подробности. У моей жены волосы черные.

И пока я читал, теряя нить поэтического панегирика в золотистой ткани моего воскресшего сна, мне пришло в голову сравнить ту девушку из далекого прошлого с женщинами современными. Ах, господа! Губы, созданные лишь для улыбок, обрушивают веские аргументы на безвинную атмосферу. Глаза, созданные, чтобы сиять тем светом, которого не видывали ни земля, ни море, пылают вместо этого гневом из-за так называемой несправедливости женского рабства. Белые руки, созданные, чтобы находить дорогу к рукам какого-нибудь юноши при лунном свете, несут транспаранты по пыльным улицам. Мне почудилось, что я вижу голубые глаза той девушки из прошлого, устремленные – печальные,

укоряющие – на ее сестер из настоящего. Когда я закончил чтение, в моей душе все перевернулось. Я сказал студентам: «Была женщина, господа, – женщина, стоившая миллиона суфражисток».

Они заплодировали. Огонь во мне угас. Вскоре я снова стал прежним кротким академическим сухарем. Видение исчезло бесследно. Я распустил класс и пошел домой. Там я обнаружил, что моя жена – та, что с черными волосами, – оставила мои тапочки у камина в библиотеке. Я надел их и погрузился в памфлет, недавно опубликованный видным членом факультета немецкого университета. Я думал, инцидент исчерпан навсегда.

Он скорбно взглянул на молодых людей.

– Но господа, я не учел ту гадину, которую мы греем на груди – американскую прессу. Сейчас я не стану тратить время на обличение печати. Я готовлю статью на эту тему для одного уважаемого еженедельника с узким кругом читателей. Достаточно будет поведать, что произошло. На следующий день вышла вечерняя газета с моим огромным портретом на первой полосе и чудовищным заявлением: дескать, это тот самый профессор Болтон, который сказал, что «одна крашеная блондинка стоит миллиона суфражисток».

Да, именно в такой жуткой версии мое замечание разлетелось повсюду. До появления этой статьи я и понятия не имел, что за существо такое – «крашеная блондинка». Я протестовал, разумеется. С тем же успехом я мог бы пытаться

остановить приливную волну столовой вилкой. На меня обрушился гнев всего мира. Меня завалили телеграммами, передовицами и письмами с проклятиями. Суровые дамы подстерегали меня и тыкали зонтиками мне в глаза. Даже жена отвернулась от меня, сказав: пусть она и не требует, чтобы я разделял ее взгляды на избирательное право, но она полагала, что я хотя бы воздержусь от публичного восхваления типажа женщин, встречающихся в основном в хоре музыкальных комедий. Я получил записку от ректора университета с просьбой быть осмотрительнее в высказываниях. Мне – Тадеушу Болтону – самому консервативному человеку на свете по инстинкту!

А проклятия все сыпались; женские клубы все проводили собрания против меня; а через мою жизнь все тек непрерывный поток репортеров, умолявших меня подробнее изложить взгляды, назвать десять величайших блондинок в истории и – небо знает что еще. Вчера я решил, что больше не вынесу. Я твердо вознамерился уехать, пока все это не забудется. «Но, – говорили мне, – нет такого места ни на суше, ни на море, где бы вас не нашли репортеры». Я обсудил это со своим старым другом Джоном Бентли, владельцем отеля «Болдпейт», и он по доброте душевной дал мне ключ от этой гостиницы.

Старик умолк и провел шелковым платком по лысине.
– Такова, господа, моя история. Вот почему вы видите меня на горе Болдпейт в это зябкое декабрьское утро. Вот по-

чему одиночество не страшит меня, а изгнание не приносит печали. Вот почему я мужественно встретил ваши выстрелы. Повторюсь: я не держу зла. Вы испортили новый котелок, а гонорар профессора даже в ведущем университете не позволяет часто делать такие покупки. Но я прощаю вас великодушно. Даже перед жерлом пушки я бежал бы от славы, перефразируя поэта.

Умудренный опытом профессор Болтон обвел их взглядом. Мистер Блэнд наполовину спал в кресле, но мистер Мэги поспешил выразить сочувствие.

– Профессор, – сказал он, – вы многострадальный человек. Я искренне вам сочувствую. Уверен, здесь вы в безопасности от репортеров, а желтая пресса скоро забудет о вас, обнаружив очередное искаженное чудо. Вкратце мистер Блэнд и я обрисуем вам путаницу событий, приведших нас в отель...

– Именно, вкратце, – вставил Блэнд. – А потом я – к своему гористому матрасу. Я могу выпалить свою историю побыстрому, а подробности оставлю на завтра. До недавнего времени...

Но Билли Мэги перебил его. В голову ему пришла великолепная, восхитительная, уморительная идея. Почему бы и нет? Он внутренне посмеивался, но лицо его оставалось предельно серьезным.

– С вашего позволения, я бы хотел рассказать свою историю первым, – произнес он.

Галантерейщик хмыкнул. Профессор кивнул. Мистер Мэги посмотрел Блэнду прямо в глаза, задушил в себе смех и начал:

– До недавнего времени я был галантерейщиком в городе Рейтон. Зовут меня, позвольте представиться, Мэги – Уильям Мэги. Я облекал веселые плечи Рейтона в одежду с последних страниц журналов, а уж что касается галстуков...

Хитрые глаза мистера Блэнда широко распахнулись. Он выпрямился во весь свой величественный рост – величественный, учитывая стеганое одеяло.

– Послушайте-ка... – начал он.

– Прошу вас, не перебивайте, – сладко пропел мистер Мэги. – Я был, как уже сказал, счастливым и беззаботным галантерейщиком. А потом... она вошла в мою жизнь. Арабеллой звали ее. Ах, профессор, ваша дама со золотыми кудрями, свитыми как тонкая проволока – даже ее не смейте сравнивать в моем присутствии с Арабеллой. У нее... у нее было... лицо... Ной Вебстер не нашел бы слов, чтобы его описать. И ее сердце принадлежало вашему покорному слуге – по крайней мере, я так думал.

Мистер Мэги тараторил без умолку. Галантерейщик, у которого юморист Мэги нагло похитил и профессию, и трагедию, с угрюмым видом закутался в одеяло. Мистер Мэги со всеми подробностями подвел рассказ к появлению человека из Джерси-Сити; во всех деталях он обнажил дуэль галантерейных изделий, разыгранную во имя прекрасной Арабел-

лы. По мере того как он продолжал, его энтузиазм рос. Он добавлял изящные штрихи, которые упустил мистер Блэнд. Свободной рукой он рисовал картину черного часа трагедии; предсмертную записку с намеком на самоубийство он привел целиком. Затем он поведал о том, как в нем снова разыграло мужество, как он отбросил трусость смерти, решив рискнуть всем – и жить. Наконец он закончил, голос его дрожал от избытка чувств. Краем глаза он бросил победоносный взгляд на Блэнда. Тот задумчиво созерцал пылающие поленья.

– Вы совершенно правильно поступили, – заметил профессор Болтон, – решив жить дальше. Поздравляю вас со здравомыслием. И, возможно, с годами вы осознаете: женьсь вы на своей Арабелле, жизнь не казалась бы вам сплошным медом и розами. Она была непостоянна, недостойна вас. Скоро вы забудете. Юность... ах, юность сбрасывает печаль как плащ. Образ не мой, заимствованный. А теперь – джентльмен в... э-э... в стеганом одеяле. У него тоже есть своя история?

– Да, – рассмеялся мистер Мэги, – давайте послушаем теперь джентльмена в одеяле. Есть ли у него история? И если да, то какая?

Он с восторгом посмотрел в глаза Блэнду. Что предпримет бывший галантерейщик, лишившись своего вымышленного алиби? Вскипит ли он в гневе, обличая человека, укравшего его Арабеллу? Мистер Блэнд улыбнулся в ответ. Он встал. И произошло то, что никак не входило в расчеты ми-

стера Мэги.

Мистер Блэнд спокойно подошел к столу и взял лежавший там популярный роман. На его обложке красовалась очень красивая девица.

– Видите эту дамочку? – осведомился он у профессора. – Заставляет мужчину восторгаться и обратить внимание, верно? Даже здешнему обмороженному галантерейщику придется признать, что по сравнению с ней эта особа, Арабелла, выглядит как выцветшая литография в бабушкиной гостиной в дождливый полдень. Имеете ли вы представление, профессор, как подобная картинка подстегивает продажи романа на оживленных рынках? Нет? Что ж...

Мистер Блэнд продолжил. Мистер Мэги откинулся на спинку кресла, вне себя от радости. Перед ним был человек, которого не задеть простым похищением сюжета. Перед ним был человек с чувством юмора – противник, достойный лучших усилий. И мистер Мэги, в своей роли убитого горем галантерейщика, приготовился слушать.

– Я раньше рисовал таких дам, – говорил Блэнд ошеломленному профессору. Он объяснил, как его картины позволяли многим романистам «рассекать по шоссе на шикарных авто». Подойдя к моменту, когда писатели осадили его, он дал полную волю воображению. Один из них, по его словам, разыскал его апартаменты на аэроплане.

– Послушайте, профессор, – закончил он, – мы ведь в одной лодке. Оба прячемся от писак. Малый, который всю

жизнь торговал галстуками... ну, он не может в полной мере оценить наше положение. Между нами, так сказать, есть некая связь. Знаете, я почувствовал к вам расположение сразу после того первого выстрела. Потому и не стал палить снова. Мы станем большими друзьями – я читаю это по звездам.

Он чувственно пожал руку старшему мужчине и отошел, бросив на мистера Мэги тайный взгляд триумфатора.

Лицо обладателя кафедры сравнительного литературоведения представляло собой захватывающее зрелище. Он смотрел то на одного молодого человека, то на другого. Снова приложил платок к сияющей лысине.

– Все это очень странно, – задумчиво произнес он. – Человеку шестидесяти двух лет – особенно тому, кто долго жил в лишенном вдохновения кругу, окружающем университет, – недостает быстроты юношеского ума. Боюсь, я не вполне... Впрочем, неважно. Но все это крайне странно.

Он позволил мистеру Мэги проводить себя в коридор и помочь с поисками кровати, которая послужила бы ему в те краткие часы, что остались от ночи. В ход пошли пальто и коврики вместо одеял. Мистер Блэнд бодро помогал.

– Если увижу каких-нибудь газетчиков, – заверил он профессора на прощание, – я попорчу им не только котелки.

– Благодарю вас, – сердечно ответил старик. – Вы очень добры. Завтра мы познакомимся поближе. Спокойной ночи.

Двое молодых людей вышли и остановились в коридоре. Мистер Мэги заговорил вполголоса:

– Простите меня за то, что я украл вашу Арабеллу.

– Забирайте на здоровье, – отозвался Блэнд. – Она мне все равно начала надоедать. И я вам не чета как актер. – Он подошел вплотную к Мэги. В тусклом свете, лившемся из седьмого номера, тот увидел выражение его лица и понял, что под всей этой напускной легкостью скрывается очень встревоженный молодой человек.

– Ради всего святого, – воскликнул Блэнд, – скажите мне, кто вы такой и что здесь делаете. В трех словах – скажите мне.

– Если бы я сказал, – ответил мистер Мэги, – вы бы мне не поверили. Давайте оставим такие пустяки, как правда, до завтра.

– Ну, в любом случае, – проговорил Блэнд, занеся ногу над верхней ступенькой, – в одном мы уверены: мы не доверяем друг другу. Напоследок вот что я вам скажу. Не пытайтесь спускаться вниз этой ночью. У меня пушка, и я не побоюсь выстрелить.

Он осекся. По его лицу пробежала тень испуга. Ибо на этаже выше они оба слышали тихие шаги – а затем слабый щелчок, будто осторожно закрылась дверь.

– В этом отеле, – прошептал Блэнд, – больше ключей, чем в литературном клубе в «сухом» городке. И каждый из них, похоже, в деле. Помните: не пытайтесь спускаться. Я вас предупредил. Иначе отвергнутый Ромео Арабеллы еще может закончить с пулей в груди.

– Я не забуду ваших слов, – ответил мистер Мэги. – Осмотрим верхний этаж?

Блэнд покачал головой.

– Нет, – отрезал он. – Идите к себе и ложитесь спать. Меня беспокоит то, что внизу. Спокойной ночи.

Он стремительно спустился по лестнице, оставив мистера Мэги в недоумении смотреть ему вслед. Точно призрак, он слился с тенями внизу. Мэги медленно развернулся и вошел в седьмой номер. Окна покрылись фантастическим узором инея; в спальне было мрачно и зябко. Частично раздевшись, он лег на латунную кровать и натянул одеяло.

События ночи закружились перед ним в безумном хоро-воде, стоило ему закрыть глаза. При каждом стоне, который отель «Болдпейт» издавал на ветру, он вздрагивал, готовый к новому приключению. Наконец мысли замерли, и из всех картин этого поразительного вечера осталась лишь одна – девушка в синем вельветовом костюме, которая плакала... плакала лишь для того, чтобы ее улыбка казалась еще ослепительнее, когда она вспыхнет сквозь слезы. «Со золотыми кудрями, свитыми как тонкая проволока», – пробормотал мистер Мэги. И уснул.

Глава 4

Появляется профессиональный отшельник

Каждое утро в восемь часов, когда узы сна еще сковывали мистера Мэги в его нью-йоркской квартире, его будил напыщенный камердинер по имени Джеффри – один на всех молодых людей в здании. У Джеффри была привычка входить, раздвигать шторы и докладывать о погоде голосом, вибрирующим от чувств, будто он сам ее приготовил и жаждал, чтобы мистер Мэги ее оценил. Поэтому, когда в его первое утро в отеле «Болдпейт» до слуха донесся какой-то скрежет, мистер Мэги сонно пробормотал из-под одеяла: «Доброе утро, Джеффри».

Но ни один бодрый голос не ответил ему ни словом о солнце, ветре или дожде. Удивленный, мистер Мэги сел в постели. Вокруг него мебель из клена в седьмом номере буквально дрожала от холода декабрьского утра. Сквозь дверь слева он заметил белую ванну, в которую, как он с грустью вспомнил, даже Джеффри не смог бы выманить ни единой блестящей капли. Да – он был в отеле «Болдпейт». Он вспомнил все: подъем с ошеломленным Куимби по заснеженной дороге, жалобы влюбленного галантерейщика, причуды профессора со страстью к блондинкам и таинственный щелчок

дверной защелки этажом выше. И напоследок – странно, что это вспомнилось последним, – девушку в синем вельвете, чуть более темном, чем ее глаза, которая плакала в сумраке вокзала.

«Интересно, – размышлял мистер Мэги, глядя на латунные прутья в изножье кровати, – какие новые вариации на тему уединения принесет этот день?»

Скрежет, разбудивший его, повторился. Он посмотрел на ближайшее окно и сквозь незамерзший уголок стекла увидел глаза «новой вариации», с любопытством взиравшие на него. Это были темные и добрые глаза; они выражали желание войти.

Покинув свое теплое убежище, мистер Мэги, дрожа, пересек не застеленный ковром пол и открыл задвижку окна. С продуваемого ветром балкона внутрь шагнул пухлый человек. На руке у него была рыночная корзинка. Лицо его явно давно не знало бритвы, а волосы – ножниц. Он напомнил мистеру Мэги того знаменитого доктора, что каждый год приезжал в маленький городок его детства продавать на углу улицы толпе чудодейственную целебную траву.

Мэги поспешно нырнул обратно под одеяло.

– Ну? – спросил он.

– Так это вы тот самый малый, – с благоговением заметил человек. Он поставил корзинку на пол; она оказалась набита самыми банальными продуктами, какие тащит домой самый забитый домохозяин.

– Какой именно малый? – уточнил мистер Мэги.

– Тот малый, про которого мне Элайджа Куимби толковал, – пояснил обладатель длинных каштановых локонов. – Тот, что приехал в «Болдпейт», чтобы побыть наедине со своими мыслями.

– Вы из местных, я так понимаю? – догадался мистер Мэги.

– В корне неверно. Я не местный. Мои инстинкты тянут меня совсем в другую сторону – подальше от толпы. Я живу почти у самой вершины Болдпейта, в маленькой хижине, которую сам построил. Зимой меня зовут Питерс – Джейк Питерс. А вот летом, когда отель открыт, вывешены красно-белые тенты и по вечерам в казино играет оркестр – тогда я Отшельник горы Болдпейт. Я спускаюсь сюда и продаю дамам открытки со своим изображением.

Мистер Мэги, казалось, едва сдерживал смех.

– Профессиональный отшельник, клянусь богами! – воскликнул он. – Надо же, я и не знал, что гора Болдпейт оснащена по последнему слову техники. Вот это удача! Я-то в отшельничьем деле любитель, вам придется обучить меня тонкостям. Присаживайтесь.

– Только между нами: я не совсем настоящий отшельник, – признался пухлый бородач, осторожно устраиваясь на краю хрупкого стула. – Не из тех отшельников «все ради любви к женщине», о которых в книжках пишут. Конечно, летом мне приходится притворяться – ради открыток и

долга перед администрацией отеля. Многие дамы нежным голоском спрашивают меня о великом разочаровании, которое пригнало меня на старый Болдпейт, и я выдаю им разные ответы, по настроению. Но говоря с вами как с другом и учитывая, что сейчас глухая зима, могу сказать: романтики в моей жизни было мало, а то и вовсе не было. Я рано женился и долго оставался в браке. Сюда я пришел ради тишины и покоя – и потому что чувствовал: человек должен читать что-то еще, кроме расписаний поездов и счетов от лавочников, и иметь над головой что-то еще, кроме первой и второй ипотеки.

– Назад к природе, иными словами, – заметил мистер Мэги.

– Да, сэр – напрямиком к ней. Сегодня утром я спускался в деревню за провизией и заглянул к Куимби, как часто делаю. Он мне про вас и рассказал. Я ему тут помогаю по отелю, и мы договорились, что я буду заходить к вам разводить огонь и выполнять мелкие поручения. Я решил, нам стоит познакомиться, вам и мне, раз уж мы оба, так сказать, люди литературные.

– Да ну? – воскликнул мистер Мэги.

– Именно, – подтвердил отшельник Болдпейта. – Я порой балуюсь этим делом. Некоторые мои стихи о радостях уединения даже печатались – на тех самых открытках, что я продаю гостям летом. Но делом всей моей жизни, если можно так выразиться, является книга, над которой я работаю

уже порядочно времени. Называется она просто: «Женщина». Всего одно слово – но ох сколько в нем смысла! Эта книга докажет, что все беды в мире, от начала времен, были вызваны женщинами. И не просто докажет на словах, заметьте. Обоснует фактами!

– Боюсь, это непростая задача, – улыбнулся Мэги.

– Не непростая – долгая, – поправил отшельник. – Когда я начинал четыре года назад, я думал, что все ограничится главой о Еве, почетным упоминанием Клеопатры и Елены Троянской, ну и еще пары-тройки таких же, и дело в шляпе. Но когда я углубился в предмет, меня буквально завалило новыми уликами. А тут еще мистер Карнеги расщедрился и подарил Аппер-Аскьюан-Фолс библиотеку. Диву даешься, за какие великие труды этот человек в ответе. Я посвятил «Женщину» ему. С тех пор как открылась библиотека, я выкопал сведения о тысяче катастроф, о которых раньше и не мечтал, и я утверждаю: если покопаться в любой из них, обязательно найдешь пушистую маленькую леди, которая и заваривала всю кашу. Так что я охочусь на женщину. Думаю, французы назвали бы меня величайшим *cherchez la femme* в истории.

– Увлекательное занятие, – рассмеялся мистер Мэги. – Я рад, что вы рассказали мне об этом, и буду с интересом следить за успехами вашего труда. Хотя не могу сказать, что полностью с вами согласен. Кое-где встречаются женщины, которые с лихвой искупают все те беды, что причинили их

сестры. Одна, к примеру, с золотистыми волосами и глазами, которые, когда плачут...

– Вы молоды, – перебил его человек, поднимаясь. – Нет смысла спорить с вами. С тем же успехом я мог бы спорить со штормом в море. Некоторые мужчины сохраняют эту иллюзию до конца своих дней, и надеюсь, вы – один из них. Пойду-ка я разведу вам огонь.

Он вышел в гостиную, и мистер Мэги несколько мгновений лежал, прислушиваясь к его возне у камина. «Вот он, комфорт», – подумал он. И все же что-то было не так. Может, растущее чувство пустоты внутри? Несомненно. Он сел в постели и, наклонившись, заглянул в корзинку отшельника. Вид свертков в ней сделал его чувство голода еще острее.

– Послушайте, мистер Питерс! – крикнул он, вскакивая с кровати и вбегая в комнату, где отшельник раздувал слабое пламя. – У меня идея. Вы ведь умеете готовить?

– Готовить? – переспросил отшельник. – Ну да, пришлось кое-чему научиться, живя вдали от ресторанов.

– Вы – тот, кто нам нужен! – обрадовался мистер Мэги. – Вы должны остаться здесь и готовить для меня... то есть для нас.

– Для нас? – уставился на него отшельник.

– Да. Я забыл вам сказать. После того как мистер Куимби ушел от меня вчера вечером, на горизонте показались еще два «отшельника-любителя». Один – галантерейщик с разбитым сердцем...

– Женщина! – торжествуяще воскликнул Питерс.

– Имя ей – Арабелла, – рассмеялся Мэги. – Другой – профессор колледжа, неосторожно высказавшийся о блондинках. Уверен, они вам не помешают, а может, даже помогут в вашем великом труде.

– Не знаю, что скажет Куимби, – призадумался отшельник. – Сдается мне, он их выставит. Он против такого – пожара боится.

– Куимби придет позже, – заверил его мистер Мэги, натягивая халат. – А сейчас главное – немного воды в ту ванну и славный завтрак после. Обещаю, это принесет вам куда больше пользы, чем продажа открыток романтическим дамам. Я не оторву вас от труда, которого жаждет весь мир, не возместив вам это с лихвой. Как у вас обстоят дела с кофе?

– Вот попробуете – узнаете, – обнадежил его Питерс. – Сейчас принесу вам воды.

Он направился к двери, но мистер Мэги опередил его.

– Галантерейщик, – пояснил он, – спит внизу, и он человек нервный. Чего доброго, совершит ужасную ошибку и подстрелит единственного повара на всю гору Болдпейт.

Мистер Мэги вышел в коридор и окликнул Блэнда, уже полностью облаченного в свои кричащие одежды, которые в утреннем свете выглядели дешево и помято.

– Я уже несколько часов на ногах, – заметил тот. – Слышал, как кто-то возится на кухне, но что-то не приметил завтрака на серебряном подносе. Внутри у меня пусто, как в

Мамонтовой пещере.

Мистер Мэги представил ему отшельника Болдпейта.

– Очень приятно, – буркнул Блэнд. – Видать, вас я и слышал на кухне. Значит, будете обслуживать нашу избранную компанию? Поверьте, чем скорее вы приступите к делу, тем лучше для меня.

Из соседней двери вышел облаченный в черное профессор Тадеуш Болтон, и его мистер Мэги тоже включил в церемонию знакомства. После того как отшельник исчез внизу, нагруженный корзиной и припасами, что Мэги привез накануне, трое любителей отшельничества собрались у огня в седьмом номере, и мистер Блэнд проникновенно произнес:

– Не знаю, где вы откопали этого повара, но от меня вам – низайший поклон. Он кто – ходячая реклама средства для роста волос?

– Он отшельник, – пояснил Мэги, – живет в хижине у вершины. Отшельникам и парикмахерам смешиваться не положено. А еще он автор – пишет книгу, в которой возлагает все беды веков на женские плечи. Пожалуйста, относитесь к нему с уважением, которого требуют все эти почтенные занятия.

– Писатель, говорите? – прокомментировал профессор Болтон. – Будем надеяться, это не повредит его кулинарным способностям. Ибо даже я, человек не склонный к заботам о мирском, вынужден признать наличие гложущего голода.

Говорили они мало, как и полагается голодным мужчи-

нам, пока Джейк Питерс разворачивал деятельность на кухне и таскал наверх ведра с водой. Мистер Мэги попросил горячей воды для бритья, чем вызвал у своих спутников смешанные чувства.

– Юбок вы здесь не увидите, – пообещал ему мистер Блэнд. А мистер Питерс, притащив воду, не упустил случая заметить, что бритье – одна из тех мужских напастей, что напрямую вызваны присутствием женщин в этом мире.

Наконец отшельник позвал их к завтраку, и когда они спускались по широкой лестнице, божественный аромат кофе согрел их сердца. Питерс развел жаркий огонь в камине напротив стойки администратора и поставил перед ним стол, суливший сытную трапезу. Когда троица уселась, мистер Блэнд произнес:

– Не знаю как вы, господа, а я готов пасть на грудь мистеру Питерсу и назвать его благословенным.

Упомянутый джентльмен радушно прислуживал им. Мистеру Мэги, в котором он признал коллегу по перу, он принес свежий номер нью-йоркской газеты – по его словам, он забирал ее каждое утро у начальника станции, и она очень помогала ему в вечных поисках «той самой женщины». Пока шел завтрак, мистер Мэги просматривал ее. Дважды он отрывался от чтения, чтобы пристально изучить своих странных спутников. Наконец он протянул газету через стол галантерейщику. Тусклое желтое солнце зимнего утра пробивалось снаружи; огонь весело потрескивал в камине. К тому

же страсть мистера Питерса к литературе ничуть не мешала его поварскому таланту. Троица закончила трапезу в прекрасном расположении духа, и мистер Мэги раздал сигары.

– Господа, – заметил он, отодвигая стул, – мы оказались в весьма любопытном положении. Трое одиноких мужчин, ничего не знающих друг о друге, почти в один и тот же миг нашли приют в стенах отеля «Болдпейт». Почему? Вчера вечером, до вашего прихода, профессор Болтон, мистер Блэнд рассказал мне историю об Арабелле как причину своего появления здесь. Позже я в шутку присвоил ее и выдал за свою. Мистеру Блэнду же я скормил байку о художнике и осаждающих его романистах. Когда пришли вы, мы обменялись этими историями – таков наш милый способ выразить недоверие словам друг друга. Подобное могло показаться дурным тоном. Как бы то ни было, в свете утреннего солнца я склонен вернуть мистеру Блэнду его Арабеллу без лишних вопросов. Он снова – убитый горем галантерейщик. А вашей истории, профессор, я склонен верить безоговорочно. Таково мое предложение: никаких сомнений друг в друге. Мы здесь по тем причинам, которые сами называем.

Профессор важно кивнул.

– Вчера вечером, – продолжил мистер Мэги, – между мной и мистером Блэндом шел разговор о том, что одному из нас придется покинуть отель. Мистер Блэнд настаивал на этом. Надеюсь, сегодня утром он смотрит на вещи иначе. Лично мне было бы жаль, если бы он уехал.

– Я передумал, – бросил мистер Блэнд. Выражение его худого лица было не из приятных.

– Очень хорошо, – подхватил Мэги. – Не вижу причин, почему бы нам не поладить. Мистер Питерс согласился готовить для нас. Его, без сомнения, можно будет уговорить позаботиться и о других наших нуждах. За его услуги мы будем платить щедро, учитывая обстоятельства. Что касается Куимби – предоставляю вам самим уладить с ним дела.

– У меня есть письмо к мистеру Куимби от моего старого друга Джона Бентли, – сказал профессор, – которое, я уверен, обеспечит мне теплое расположение зрителя.

Мистер Мэги перевел взгляд на Блэнда.

– Я свяжусь с Энди Раттером по телефону, – ответил тот. – Думаю, Куимби к нему прислушается.

– Возможно, – небрежно заметил Мэги. – А кто такой Раттер?

– Управляющий отеля, когда тот открыт, – ответил Блэнд и подозрительно покосился на Мэги. – Я знаком с ним лишь шапочно, – добавил он.

– Эти вопросы вы уладите сами, – продолжал мистер Мэги. – Я буду рад вашей компании, если вам удастся остаться. Верьте или нет – ах да, мы же договорились верить, верно? – я здесь ради того, чтобы писать. Сейчас я поднимусь к себе немного поработать. Единственное, о чем я вас прошу как о сослужении: воздержитесь от стрельбы друг в друга в мое отсутствие. Понимаете, я стараюсь изгнать дешевую ме-

лодраму из своих текстов.

– Уверен, – заметил профессор Болтон, – что использование огнестрельного оружия в качестве светского развлечения между мной и мистером Блэндом совершенно исключено.

– Надеюсь на это, – отозвался Мэги. – Стало быть, на том и порешим. Мы здесь – и точка. – Он помедлил, словно в нерешительности. Затем решительным жестом притянул к себе нью-йоркскую газету. Не сводя глаз с заголовков на первой полосе, он продолжил: – Я не стану требовать дальнейших объяснений. И, кроме этого единственного раза, я больше не сошлюсь на газетную заметку о том, что вчера рано утром в лаборатории одного из ведущих университетов был найден мертвым молодой ассистент при весьма странных обстоятельствах. – Он пронизательно взглянул на лысоватого человечка напротив. – И я не стану делать темой для светской беседы тот факт, – добавил он, – что профессор химии этого университета, человек в годах, глубоко уважаемый в академических кругах, бесследно исчез.

После этого замечания воцарилась гнетущая тишина. Хитрые глаза мистера Блэнда тут же метнулись к лицу профессора. Старик сидел, уставившись в свою тарелку; затем он поднял голову, и его круглые очки в упор воззрились на Мэги.

– Вы очень добры, – ровным голосом произнес профессор Болтон.

– В этой газете есть и другая история, – продолжал мистер Мэги, глядя на галантерейщика, – на которую мне, пожалуй, тоже стоит наложить табу в наших разговорах за столом. В ней говорится, что несколько дней назад юный кассир банка в небольшом городке в Пенсильвании исчез вместе с тридцатью тысячами долларов из банковских фондов. Нет, – заключил он, – мы просто здесь, господа, и я с радостью на этом остановлюсь.

Мистер Блэнд понимающе усмехнулся.

– Еще бы вам не остановиться, – сказал он. – Если вы перевернете газету, то на последней странице прочтете: позавчера в доме нью-йоркского миллионера из рам было вырезано множество дорогих картин, а молодой художник, который как раз занимался реставрацией в этом доме, оказался настолько рассеян, что забыл оставить полиции свой адрес. Пустяк, конечно, и мы с профессором больше никогда об этом не вспомним.

Мистер Мэги откинул голову и весело расхохотался.

– Кажется, мы понимаем друг друга, – сказал он. – Я предвкушаю приятное общество там, где ожидал найти одиночество. А теперь прошу меня извинить – работа, о которой я упоминал, ждет. Ах, а вот и Питерс, – добавил он, когда отшельник вошел через дверь столовой сбоку от лестницы.

– Все закончили, господа? – спросил тот, подходя ближе. – Ну, разве это не истинный комфорт? Думаю, пожив так пару дней, вы все станете отшельниками и построите себе хижи-

ны на горе. Истинный комфорт. Никакой женщины, которая заставляла бы надевать калоши, когда выходишь, или читала нотации о вреде алкоголя для желудка. Рай, я бы сказал.

– Питерс, – произнес мистер Мэги, – мы тут гадали, не останетесь ли вы у нас поваром. Вы нам нужны. Что скажете?

– Ну... я буду рад выручить вас, – ответил отшельник. – Думаю, справлюсь к вашему удовольствию, раз уж тут нет женщин. Будь они здесь, я бы и не подумал. Да, я останусь и сделаю все, чтобы отшельническая жизнь выросла в ваших глазах. Я...

Он осекся. Его глаза были прикованы к двери столовой, к которой мистер Мэги сидел спиной. Челюсть Питерса отвисла, рот раскрылся. Сквозь заросли бороды проступило лицо, полное крайнего изумления.

Мистер Мэги быстро обернулся. В нескольких шагах от двери стояла девушка с вокзала – больше не плачущая, а лучезарно улыбающаяся. За ней возвышалась решительная и невыносимая спутница, виденная вчера.

– Ой, мама! – рассмеялась девушка. – Мы опоздали к завтраку! Какая жалость, правда?

Худые руки мистера Блэнда метнулись поправлять фиолетовый галстук. Профессор Болтон стал похож на сову больше, чем когда-либо, ошеломленно моргая при виде этого видения в синем вельвете. Мистер Питерс осторожно поставил тарелки, которые забрал со стола, все так же забывая закрыть рот.

Мистер Мэги поднялся из-за стола и шагнул навстречу с протянутой рукой.

Глава 5

Тень мэра ложится на порог

– От слез к улыбкам, – произнес мистер Мэги, беря девушку за руку. – Что же совершило это превращение? Знаю, что не «Коммерческий дом», мимо которого я проходил вчера вечером.

– О нет, едва ли он, – рассмеялась девушка. – Скорее сияние зимнего утра, бодряя прогулка в гору и вид отшельника Болдпейта, который вытаращил глаза на девчонку, когда-то покупавшую его открытки.

– Так вы знакомы с мистером Питерсом? – осведомился Мэги.

– Его так зовут? Видите ли, в частной жизни я его не встречала – для меня он был просто «отшельником». Летом я часто приезжала на Болдпейт, отсылала его открытки родным и грезила о его любовной драме, когда видела по ночам свет в его хижине. Я так рада познакомиться с мистером Питерсом в неформальной обстановке.

Она протянула ему руку, но Питерс, за долгие годы привыкший опасаться женщин, был так нагружен грязными тарелками, что не смог ответить на рукопожатие. Он пробормотал: «Здрасьте», – и пустился наутек к двери, едва не совершив по пути любовое столкновение с грузной дамой.

– Мистер Питерс зимой видит так мало представительниц вашего пола, – извинился Мэги, – что вам придется простить ему эту неловкость. Этот джентльмен, – он указал на поднявшегося профессора, – Тадеуш Болтон, видный ученый, бежавший на Болдпейт от преследований американской прессы. А это мистер Блэнд, скрывающий здесь от мира шрамы разбитого сердца. Но не будем вдаваться в подробности.

Девушка лучезарно улыбнулась.

– А вы?.. – спросила она.

– Уильям Хэллоуэлл Мэги, – представился он, отвесив низкий поклон. – У меня припасена целая коллекция историй, объясняющих мое присутствие здесь, из которых я позволю вам выбрать позже. Не считая настоящей, которая проста почти до неприличия.

– Я так счастлива со всеми вами познакомиться, – сказала девушка. – Уверена, мы станем добрыми друзьями. Ведь мы с мамой тоже приехали в отель «Болдпейт» – и намерены здесь остаться.

Мистер Блэнд широко распахнул свои обычно узкие глаза и задумчиво провел рукой по однодневной щетине. Профессор Болтон моргнул от изумления. Мистер Мэги улыбнулся.

– Я лично в полном восторге от этой новости, – сказал он.

– Меня зовут Мэри Нортон, – продолжала девушка. – Позвольте представить мою маму, миссис Нортон.

Старшая женщина тут же приняла то, что явно считалось у нее «светскими манерами». Мистер Мэги снова почувство-

вал укол сожаления: и как у такой очаровательной девушки могла быть подобная родительница?

– Весьма приятно со всеми вами познакомиться, – проговорила она своим тяжелым голосом. – Какое чудесное утро после бури, верно? Солнце прямо-таки слепит.

– Мне полагается кое-что объяснить, – быстро вставила мисс Нортон, – раз уж я вот так врываюсь в вашу компанию. Я с радостью расскажу, почему я здесь, но это не должно пойти дальше этих стен. Уверена, я могу вам доверять.

Мистер Мэги пододвинул стулья, и обе женщины устроились перед камином.

– У бандитов Болдпейта, – легкомысленно заметил он, поглядывая на мужчин, – свой кодекс чести, и первое правило – никогда не выдавать подельника.

– Великолепно! – рассмеялась девушка. – Вы сказали, кажется, что профессор Болтон бежит *от* газет. А я бегу *ради* газет – чтобы привлечь их внимание, заставить их дать мне то, что так необходимо женщине моей профессии: публичность. Видите ли, я актриса. Имя, которое я вам назвала – не сценический псевдоним. Его вы, возможно, и знаете. Я нанимаю джентльмена, чтобы он мелькал моим именем перед публикой как можно чаще. Знаю, это ужасно, но для меня это – хлеб с маслом. Этот джентльмен, мой пресс-агент, и придумал нынешний план: таинственное исчезновение.

Она умолкла и обвела всех взглядом. Мистер Мэги пристально ее изучал. Свежий румянец ее щек никак не вязался

в его представлении с театральным гримом; в ее непринужденной манере не было ничего, даже отдаленно напоминающего сцену. Он гадал: в чем же дело?

– Я должна полностью исчезнуть на время, – продолжала она. – «Словно сквозь землю провалилась» – так, по старой доброй традиции, напишут репортеры. Я пережду здесь, в отеле, ключ от которого раздобыл мой агент. Тем временем газеты будут скорбно пестреть моим именем в заголовках... по крайней мере, я на это надеюсь. Вы только представьте эти заголовки: «Прекрасная актриса бесследно исчезла». – Она осеклась, слегка покраснев. – Знаете, любая женщина, попадающая в печать, автоматически становится «прекрасной».

– Но в твоем случае это была бы чистая правда, дорогая, – вставила миссис Нортон, заботливо поправляя свои чудовищно блондинистые накладные волосы.

– Ваша мама сорвала слова у меня с языка, – улыбнулся мистер Мэги. – Как бы газеты ни старались, иногда правда все же просачивается на их страницы. И это будет как раз такой случай.

– Из какой части Ирландии вы родом? – рассмеялась девушка. Казалось, ее немного смущало столь явное восхищение матери. – Что ж, оставим лесть в стороне: заголовки будут именно такими. И когда все зацепки иссякнут, а мой пресс-агент выдохнется, я вернусь, чтобы предстать в новой пьесе уже известной актрисой. Вот на каких легковесных вещах строится репутация на Бродвее.

– Мы все желаем вам успеха, я уверен. – Мистер Мэги тщетно перерыл свою память в поисках имени и славы этой «актрисы». Неужели в наше время кто-то еще пытается добиться известности таким избитым и очевидным способом? Вряд ли. Ответ был прост: под крышей «Болдпейта» плелась очередная небылица. – У нас тут есть нью-йоркская газета, – продолжил он, – но в ней пока нет ни слова о вашем печальном исчезновении.

– Вот было бы кино, если бы они на это не клюнули, а? – подала голос старшая женщина.

– «Не клюнули»? – переспросил профессор Болтон, но не с вопросом, а с видом ученого, собирающегося добавить новый редкий экземпляр в банку со спиртом.

– Она имеет в виду: если бы они не сочли мое исчезновение достойной новостью, – пояснила девушка. – Это было бы очень досадно. Но ведь не было вреда в том, чтобы попробовать.

– Хитрая это братия – газетчики, – усмехнулся мистер Блэнд, – по их собственному мнению. Но если разобраться, у каждого из них в шкафу припрятана целая коллекция фальшивок. Думаю, вы их обставите. Надеюсь на это.

– Спасибо, – улыбнулась девушка. – Вы очень добры. Вы здесь, как я понимаю, из-за несчастного... э-э... сердечного дела?

Мистер Блэнд пригладил на лбу свои черные маслянистые волосы и самодовольно ухмыльнулся.

– Ну, полноте вам... – запротестовал он.

– Арабелла, – вставил мистер Мэги, – таково было ее имя.

Все красавицы истории и мифологии покорно ковыляли в забвение при одном ее виде.

– Я быстро забываю, – настаивал мистер Блэнд.

– Уверена, это не делает вам чести, – сурово ответила де-вушка. – А теперь, мама, я думаю, нам лучше выбрать комнаты...

Она осеклась. Ибо в дверях столовой появился Элайджа Куимби. Он замер, разглядывая группу у камина, и на его лице отразилось то, что мистер Мэги, как романист, не колеблясь ни секунды, назвал бы «смешанными чувствами».

– Так-так, – протянул мистер Куимби, шагая в комнату. – Мистер Мэги, в письме мистера Бентли была просьба разрешить вам пожить в отеле «Болдпейт». Но там не было ни слова о том, что вы притащите с собой целые компании друзей.

– Это не друзья, которых я притащил, – пояснил Мэги. – Это просто еще несколько отшельников-любителей, которые забредали сюда время от времени. У каждого есть свой ключ от обители. И у каждого, полагаю, найдутся полномочия, которые вы сможете изучить.

Мистер Куимби уставился на них в гневном изумлении.

– Мир сошел с ума? – спросил он. – Глядя на вас, можно подумать, что сейчас июль. Отель закрыт, говорю вам! Он не работает.

Профессор Болтон поднялся со своего кресла.

– Так вы и есть Куимби, – произнес он успокаивающим тоном. – Рад наконец познакомиться. Мой старый друг Джон Бентли так часто о вас говорил. У меня есть письмо от него. – Он отвел зрителя в сторону и извлек из кармана конверт. Они заговорили вполголоса.

Девушка в вельветовом костюме быстро наклонилась к мистеру Мэги. Она прошептала, и тон ее был тревожным:

– Поддержите меня. Боюсь, мне понадобится ваша помощь.

– В чем дело? – спросил Мэги.

– Кажется, у меня почти нет прав находиться здесь. Но мне пришлось приехать.

– А ваш ключ?

– Боюсь, мой... мой пресс-агент... украл его.

Насмешливое замечание по поводу допотопных методов этого мифического рекламщика уже готово было сорваться с губ мистера Мэги, но, прежде чем заговорить, он заглянул ей в глаза. И колкость так и не была произнесена. Ибо в их чудесной глубине он увидел беспокойство, страх и несчастье – то же самое, что видел сквозь слезы на вокзале.

– Не волнуйтесь, – сказал он очень мягко, – я вас выручу.

Тем временем Куимби уже стоял над мистером Блэндом.

– А вы что скажете? – спросил он.

– Позвоните Энди Раттеру и спросите про меня, – ответил Блэнд тоном человека, предпочитающего войну миру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.